

ДЖОРДАНО БРУНО

НЕАПОЛИТАНСКАЯ УЛИЦА

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
Я. Емельянова

1

—

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бонифа́чо.
Каруби́на, жена Бонифачо.
Бартоло́мео } алхимики.
Ченчо }
Марта, жена Бартоломео.
Конса́льво, аптекарь.
Скараму́рэ, некромант.
Джованни Берна́рдо, художник.
Асканно, слуга Бонифачо.
Мокьо́не, молодой слуга Бартоломео.
Мамфу́рио, педант.
Оттави́ано, шутник.
Поллу́ла, студент.
Ба́рра }
Коркови́ццо } мошенники.
Ма́рка }
Сангви́но }
Витто́рия, куртизанка.
Лючи́а, сводница.

Действие происходит в Неаполе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бонифачо, Асканио.

Бонифачо. Ступай разыщи его и сейчас же постарайся привести сюда. Да поторопись.

Асканио. Постараюсь сделать все как можно быстрее и лучше. Хотя лучше немного позже, чем немного хуже.

Бонифачо. Господи боже мой! Я хотел иметь слугу, а имею слугу, дворецкого, ученого и советчика. Пусть скажут после этого, что я не состоятельный человек! Говорю тебе: хочешь ие хочешь, а делай поскорее, злодей! Подзови его к окну и скажи то, что я тебе велел. Понял?

Асканио. Слушаюсь, хозяин, пошел.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бонифачо, один.

— Помии, Бонифачо, что там, где не справляется природа, на помощь приходит наука. И в этот несчастный час, когда я бессилен склонить эту коварную на любовь или хотя бы на ласковый взгляд — пусть даже притворный, — кто знает, быть может, на нее подействуют тайные науки, раз уж не трюнули ее слова Бонифачо, любовь Бонифачо, томления Бонифачо. Ведь говорят, будто искусство магии обладает такой силой, что вопреки природе может повернуть течение рек вспять, прогнать солнце, сорвать луну,

убрать деиь и остановить ночь. Конечно, во всем этом можно усомниться. Но доказательства влияния магии на любовь мы видим каждый деиь. Я уже не говорю о том, что об искусстве этого Скарамурэ я иаслышался поистине удивительных вещей. А вот как раз идет один из тех, которые, задарма приобрета корову, богу пожертвуют разве что рога. Посмотрим, что он расскажет иового.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бонифачо и Бартоломео разговаривают; Поллула и Сангвино, незамеченные, слушают.

Бартоломео. Жестокий Амур, царствие твое несправедливо и жестоко, так кто же захочет его продления! Зачем попускаешь, чтобы от меня бежала та, которую я так уважаю и люблю! Что за нелепые узы ты куешь: один приковаи к другой, она же свободнее и независимее ветра.

Бонифачо. Кажется, не я один страдаю? Эх-хе-хе!

Бартоломео. Что с вами, дорогой мессер Бонифачо? Плакиваете мои мучения?

Бонифачо. Я тоже мученик. Вижу, что и вы удручены горем, вижу, что и вы побледили; слышал ваши стенания, понимаю ваше горе, и, поскольку я охвачен той же, а быть может, и большей страстью, я сочувствую вам. Уже много дней вижу вас задумчивым и рассеянным. Наверное, и я выгляжу не лучше. Что за черт, говорю я себе, никто из близких у него, кажется, не умер, ни с кем он не судится, ни в чем не нуждается, все у него идет как нельзя лучше, знаю, что не очень он заботится о своих грехах, а вот — все же плачет и грустит. Значит, он влюблен, значит, иутро его переполиено этим сладчайшим ядом.

Бартоломео. Увы, глаза ее сковали и поработили меня. Но вам, мессер Бонифачо, я удивляюсь: ведь я на два или три года моложе вас, и жена у меня старая отвратительная горбунья. У вас же прелестнейшая молодая супруга, красивей ее в Неаполе не сыскать. И все-таки вы влюблены!

Бонифачо. По вашим словам вижу, что вы не знаете, сколь запутано и необычно бывает царство Амура. Если хотите знать по порядку историю моей любви, прошу вас выслушать меня.

Бартоломео. Говорите, мессер Бонифачо.

Бонифачо. До сорока двух лет я прожил на свете, не зная, что такое женщина. Теперь же, когда в волосах появились седые волосы и когда любовь обычно начинает остывать...

Бартоломео. У одних остывать, а у других мяться.

Бонифачо. ...обычно начинает остывать, подобно тому как жара спадает к осени... Когда-то я был охвачен любовью к Карубине. Она мне казалась красивейшей из красавиц; она так меня воспламенила, что я вспыхнул и превратился в факел. Потом же вследствие привычки это первое пламя угасло, сердце мое стало доступным для новых огней...

Бартоломео. Если бы огонь был погорячее, он сделал бы вас не факелом, а пеплом; на месте вашей супруги я так бы и поступил.

Бонифачо. Дайте досказать, а потом говорите что угодно.

Бартоломео. Продолжайте.

Бонифачо. И вот, когда в сердце моем угасло пламя, превратившее его в фитиль, фитиль этот весной нынешнего года снова воспламенился...

Бартоломео. Весной влюбился и Петрарка, и ослы тоже начинают задира́ть хвосты...

Бонифачо. Бросьте болтать чепуху, не будем отклоняться от дела... Так вот, когда я гулял в Позилиппо, то был наповал сражен глазами синьоры Виттории, испепелен ее огнем, скован ее цепями и, увы...

Бартоломео. Эта скотина Амур чаще всего нападает на тех, кто празднично проводит время. Разве вы не прогуливались там без дела?

Бонифачо. Теперь позвольте мне послушать про вашу любовь, после того как я рассказал про свою. Думаю, что и вы должны получить немалое облегчение, беседуя с тем, кто боится той же болезнью, ибо любовь смело можно назвать болезнью.

Бартоломео. Извольте. Именительный падеж: синьора Серебряшечка меня печалит, синьора Злата меня гнетет.

Бонифачо. Чтоб их обеих взяла болячка, которой бог наградил тебя.

Бартоломео. Дательный падеж: синьоре Серебряшечке приношу любовь, синьоре Злате — вздохи. Синьорам Серебряшечке и Злате — обоим передаю себя.

Бонифачо. Хотел бы я знать, какой дьявол тебя обуял.

Бартоломео. Звательный падеж: о синьора Серебряшечка, зачем покидаешь меня! О синьора Злата, зачем избегаешь меня!

Бонифачо. Они и должны избегать тебя, потому что от тебя никогда не услышишь ничего путного. Убирайся к черту, ты просто смеешься надо мной.

Бартоломео. А ты оставайся с богом, который лишил тебя мозгов, если они у тебя были когда-нибудь. Я же пойду объясняться с моими дамами.

Бонифачо. Поглядите-ка, с какой ловкостью он выудил из меня то, в чем лучше было бы признаться пятидесяти другим. Боюсь, как бы любовь не сгубила меня совсем... Одиакос час поздний, и надо пойти поторопить Люцию. К тому же, я вижу, вои там смеются какие-то плуты. Вероятно, они слышали наш проклятый разговор. Любовь и ненависть не скроешь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сангвино, Поллула.

Сангвино. О, чтоб ему нарваться на нож, на индусского быка, на деревенского остолопа! Разве много нужно было усилий, чтоб заставить его признаться во всем? О-о-о! А, ничтожество: с какой велеречивостью распространялся он, и все для того только, чтобы сообщить, что он влюблен, кто его богиня, нагородить о мучениях, на которые обрек его господь бог, и еще множество подобной же чепухи.

Поллула. Можешь поверить, что этому типу не нужно молить бога: «Господи, открой мне уста мои».

Сангвино. Да, но ты видишь, что под конец он раскаялся в своей болтовне. Поэтому-то он и не будет наказан. Ведь в писании говорится: «Кто грешит и кается, тот спасен будет».

Поллула. А вот и наш ученинейший наставник. Подождем здесь, чтоб ему черти шею сломали.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мамфурно, Поллула, Сангвино.

Мамфурно. Как поживаешь, мой хороший, изумительный, талантливейший юноша? Что поделываешь? Как твоё здоровье?

Поллула. Хорошо.

Мамфурно. Весьма рад и поздравляю; хорошо, если здоров,—изящный цидероиовский оборот, употребляемый им во всех дружеских посланиях.

Поллула. Может быть, отправите послание через кого-нибудь другого, господин учитель? Я должен идти дальше по одному делу с Сангвино и не могу задерживаться с вами.

Мамфурно. О, выбрось, как бесполезные, мои наставления, которые в моем родном мудром лице я заставлял тебя выписывать на белых страницах! Выбрось их, говорю тебе, если в нужное время и в нужном месте не умеешь воспользоваться ими. В то время как твой наставник расспрашивает тебя знаменитейшими фразами, ты отказываешься от любования литературными оборотами, давая мне ответ, составленный из слов, которые ты воспринял от повитухи еще в колыбели.

Сангвино. Профессор, когда вы говорите с этим дьяволом на латинской тарабарщине, то небу становится жарко и весь мир смеется над вами.

Мамфурно. Да, если этот мегалокосмос или механизм вселенной, как мир челесиальный и инурбаний, населен тождественными тебе субъектами.

Сангвино. Что вы там говорите о космосе челеstialном и урбанном? Говорите проще, чтобы я мог понять и ответить.

Мамфурио. Да обрушатся на тебя мрачные бедствия и да распиут тебя! Пусть пренебрегут музы свинятником твоих бесед...

Поллула. Все это отлично. Но ведь эдак нужно выражаться к месту и случаю.

Мамфурио. Причина моей вспышки — твое выражение, Поллула: «...не могу задерживаться с вами». Следовало сказать или, выражаясь изящнее, тебе приличнее было бы сказать: «Твое превосходство, твоя эрудиция с поэтическими плодами твоих сладчайших муз не даны, не дарованы мне».

Сангвино. Видите, как оно водится на этом свете: вы договорились, а я остался один, как прикованный к скале. Ради бога, просвещеннейший магистр, станем друзьями, ибо хоть я и не гожусь для ваших розг, то есть неспособен сделаться вашим учеником, все же, может быть, услужу вам в чем-нибудь другом.

Мамфурио. *Nihil mihi vobiscum!* Или, чтоб вам было понятно, ничего у меня с вами общего нет.

Сангвино. «И со духом твоим».

Мамфурио. Однако! Каким образом, Поллула, ты сделался товарищем этого грубияна?

Сангвино. Грубиян или не грубиян, но я всегда к услугам вашего великолепия, почтеннейший синьор мой.

Мамфурио. А он кажется мне поддающимся дисциплине и не таким неотесанным, как показался вначале, ибо обращается ко мне с вежливыми и надлежащими случаям эпитетами.

Поллула. А поначалу он казался вам негодным человеком.

Мамфурио. Выбрось это выражение «негодный»; хотя оно и принято в Священном писании, но по красоте это не цистероновское выражение. Ты должен был бы сказать — «неадекватный человек».

Сангвино. Господин ученнейший магистр, покорнейше просим отпустить нас, нам нужно возможно скорее встретиться с художником Джованни Бернардо. Прощайте.

Мамфурио. Что ж, ступайте, счастливого успеха.

Но кто вон та, с корзиной в руках, которая идет навстречу? Бабеика, пол слабый, подвижной, хрупкий и непостоянный, противоположность Геркулесу. Ну а я направляю теперь стопы к своему дому, ибо хочу записать одну фразу в книге моих собственных исследований. Ни дня без строчки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лючиа, одна.

— Ох и устала же я, отдохну-ка здесь. Всю ночь я сторожила, стоя на ногах, питаюсь дымом от жареного и запахом от жириной похлебки; словом, как худая почка, я окружена была салом. Но сейчас не до жалоб, Лючиа. Здесь меня никто не видит, и потому посмотрю-ка я, что посылает синьор Бонифачо синьоре Виттории. Вот печенье, сахар, иижирный хлеб из Сан-Бастияно. Дальше конфеты разных сортов. А на дне... на дне — иаверняка любовное письмо! Нет, стихи, честное слово, стихи! Клянусь богом, он заделался поэтом. Интересно, что он там насочинял.

«Меня ты прямо в сердце поразила,
И душу болью мне, синьора, опалила,
И бледность все лицо мое покрыла.
Когда бы так меня ты сильно не пленила
И я б не полюбил с такою силой,
С какой ничье доселе сердце не любило,
Любезная синьора, все б ииаче было.
Но я хочу, чтобы посланне открыло,
Как красота твоя меня вдруг ослепила.
Пока ты Бонифачо не сгубила,
Ему бы ты на помощь поспешила!
Сон, пища — все ему не мило.
Все помыслы его себе ты подчинила
И мать с отцом собою заслонила».

Прекрасное заключение, чудные выражения, столь же изящные, как и он. Будто осел кричит под звои колокольчика на шее. Но все-таки лучше отыскать уголок более укромный, где я без помехи смогу отделить себе часть этого подарочка. Пусть же и я наконец попользуюсь плодами безумия других.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бонифачо, один.

— Сколь велика сила любви! Откуда, о муза, сизошло на меня такое вдохновение и способность к сочинению стихов без помощи всякого учителя? Где и когда был сочинен подобный сонет? Перечитай всего Петрарку, обшарь Арносто — не найдешь ничего подобного. О изменница, мучительница, иежный мой враг, увери, что на этот раз ты их прочитала и растрогалась. И если душа твоя не более свирепа, чем душа тигра, ты перестанешь мучить твоего Бонифачо. А вот сам Джованни Бернардо!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Джованни Бернардо, Бонифачо.

Джованни Бернардо. Добрый день, мессер Бонифачо. Как себя чувствуете? Что подельваете?

Бонифачо. Что подельваю? Сегодня я совершил такое дело, какого не мог совершить в течение всей своей жизни.

Джованни Бернардо. Вот совпадение! И я никогда больше не напишу того портрета, который написал сегодня. Быть может, я смогу написать и лучше, но все равно это будет уже другой.

Бонифачо. Бросьте свою софистику. Вы мне напомнили о портрете. Видели вы портрет, который я заказывал?

Джованни Бернардо. Видел и внимательно его разглядывал.

Бонифачо. Что же вы о нем думаете?

Джованни Бернардо. Превосходный портрет! На вас похоже куда больше, чем на меня.

Бонифачо. Пусть так, но я хочу заказать другой портрет и непременно вам.

Джованни Бернардо. Чтобы подарить его на память какой-нибудь даме?

Бонифачо. Только. пожалуйста, постарайтесь сделать меня красивым.

Джованни Бернардо. Одно из двух: либо вы желаете, чтобы я сделал вас красивым; либо — похожим.

Бонифачо. Мне не до шуток, мессер Джованни. Постарайтесь сделать красивый портрет. Вечером я зайду к вам домой.

Джованни Бернардо. Договорились. В моей работе можете не сомневаться. Но постарайтесь и вы в свою очередь из подсвечника стать ювелиром.

Бонифачо. Каким ювелиром, из какого подсвечника?

Джованни Бернардо. Ну, ладно. Мое почтение.

Бонифачо. Да пребудет с вами господь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бонифачо, один.

— «Постарайтесь из подсвечника стать ювелиром»... Странно, вроде человек я почтенный, а между тем все насмеются надо мной. Взять хоть этого Джованни Бернардо. Не понимаю, что он подразумевает под ювелиром? А вот, кажется, я вижу Асканио и Скарамурэ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Скарамурэ, Бонифачо, Асканио.

Скарамурэ. Доброго здоровья, мессер Бонифачо.

Бонифачо. Добро пожаловать, сеньор Скарамурэ, надежда моей обуреваемой страстями жизни.

Скарамурэ. Кажется, вы чем-то обескуражены?

Бонифачо. Если вы не поможете моему горю — я погиб.

Скарамурэ. Как вижу, вы влюблены.

Бонифачо. Значит, и объяснять нечего.

Скарамурэ. Судя по вашей физиономии и по числу букв в вашем имени, вы родились под звездой Вене-

ры, идущей в обратном мужском созвездии, быть может, в созвездии Близнецов, на двадцать седьмом градусе. А это означает определенное изменение и повороты на сорок шестом году, в каком возрасте вы и находитесь теперь.

Бонифачо. Сказать правду, я не понимаю, когда родился. Но на основании того, что я слышал от других, думаю, что теперь мне приблизительно сорок пять лет.

Скарамурэ. Месяцы, дни и часы я вычисляю подробно после, когда измерю циркулем отношение между шириной ногтя на вашем большом пальце и линией жизни на ладони и определю расстояние от верхушки безымянного пальца до центра руки, где находится впадина Марса; но пока с меня довольно определения в целом. Скажите, в тот момент, когда вы воспламенились любовью при взгляде на вашу даму, с какой стороны она была от вас: с правой или с левой?

Бонифачо. С левой.

Скарамурэ. Трудное дело. А как она стояла: повернувшись лицом на юг, север, восток, запад или как-нибудь еще?

Бонифачо. На юг.

Скарамурэ. Значит, нужно вызвать северных духов. Довольно, пока мне больше ничего не нужно. Буду в вашем случае действовать физической магией, оставляя до более важного момента тайные приемы магии более глубокой.

Бонифачо. Действуйте как угодно, лишь бы я добился успеха.

Скарамурэ. Не беспокойтесь, я позабочусь обо всем. Вас приворожили.

Бонифачо. Как — приворожили? Ничего не понимаю.

Скарамурэ. Привораживание произошло, когда вы смотрели на нее, а она на вас.

Бонифачо. Ну да, синьор, конечно, привораживание.

Скарамурэ. Оно происходит благодаря прозрачному и всепроникающему духу, который, зародившись от сердечного жара посредством лучей, идущих из глаз, трогających сердце и уходящих оттуда, чтобы подействовать на тело и дух другого, — вызывает или любовь, или нена-

еишь, или зависть, или меланхолию. Любовное привораживание происходит, когда устремленный взгляд встречается с другим устремленным взглядом, глаз встречается с другим глазом и зрительный луч — с другим лучом. Тогда сливается дух с духом, высший свет овладевает низшим, они вспыхивают в глазах, пробегая и принимая к внутреннему духу, который помещается в сердце. Так начинается любовный пожар. Вот почему, кто желает избежать любовных чар, тот должен быть крайне осторожным и остерегаться глаз других, так как в любовных делах глаза — по преимуществу окна души. Но пока довольно, мы скоро увидимся, я пойду приготовить все необходимое.

Бонифачо. Синьор, если вы доведете дело до желанной цели, то убедитесь, что оказали услугу человеку, умеющему быть благодарным.

Скарамурэ. Можете быть уверены, синьор Бонифачо, что прежде всего я хочу доставить вам удовольствие, а затем я уверен, что если даже вы меня и не отблагодарите, то все же будете обязаны мне.

Бонифачо. Поверьте в мое глубочайшее уважение к вам и в готовность к услугам. Я надеюсь на ваши знания.

Асканио. Итак, до свиданья. Всего хорошего.

Бонифачо. Уйдемте, так как я вижу самого противного для меня человека. Не хочу разговаривать с ним. До скорого свиданья, синьор Скарамурэ!

Скарамурэ. Возвращайтесь, буду вас ждать. До свиданья.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Ченчо, Джованни Бернардо.

Ченчо. Это дело надо выполнять согласно учению Гермеса Трисмегиста и Абу Мусы Джафара аль Софн. Основным веществом всех металлов является Меркурий, или ртуть. Сатурну принадлежит свинец, Юпитеру — олово, Марсу — железо, Солнцу — золото, Венере — бронза, Луне — серебро. Живое серебро приписывается преимущественно Меркурию и лежит в основе всех прочих металлов.

Джованни Бернардо. Эти чертовские рассуждения несколько не трогают моего ума. Я предпочел бы видеть золото уже сделанным, а вас — лучше одетым, чем теперь. Уверен, что если бы вы умели делать золото, то не продавали бы рецепт изготовления золота другим, а сами бы по нему готовили.

Ченчо. Вы прервали мою речь. Вы думаете, что вы один умеете рассуждать? По осторожности, которую проявил в отношении меня мессер Бартоломео, он выказал себя куда более предусмотрительным, чем вы полагаете. И он знает, что я был избит и ограблен в лесу, когда возвращался из Айролы.

Джованни Бернардо. Я полагаю, что он знает это скорее с ваших слов, чем с моих.

Ченчо. Вот почему я, не имея возможности купить ни основных элементов, ни прочих минералов, которые требуются для этого дела, поступил так, как вы знаете.

Джованни Бернардо. Вы должны были отдалиться этому труду для себя, приняв меры предосторожности, и сказать: «Сударь, дайте мне взаймы денег в моих и ваших интересах» — так, чтобы и он и другие не могли отказать вам в помощи. И то золото, которое вы ищете в чужих кошельках, вы вынули бы из своей печи, пользуясь лучшей репутацией и большим уважением, чем сейчас.

Ченчо. И мне было бы приятнее сделать так. Но когда я помру, не все ли мне равно, что все будут уметь делать золото? Что мне, если весь мир станет тогда полон золота?

Джованни Бернардо. А я сомневаюсь, что серебро и олово будут когда-нибудь стоить столько же, сколько сейчас стоит золото.

Ченчо. Прежде всего вам должно знать, что у мессера Бартоломео находится рецепт, где указан способ действия и название вещества, которое способствует этому действию. Он сам посылал своего слугу к аптекарю за веществами, которые нужны для этого. Он сам присутствует при всем, когда все это производится: он сам делает все, а от меня требует только словесных указаний: делай так, не делай этак, добавь то, уменьши это; и таким образом он в конце концов с большой радостью нашел

чистопробнейшее золото на дне перегонного сосуда, перемешанное с глянной мудрости... После этого он, согласно нашему условию, выплатил мне полностью, без всяких колебаний, шестьсот скудо за секрет, который я ему открыл.

Джованни Бернардо. А теперь, когда вы сделали одно дело, сделайте другое, тогда вами и будет выполнено все.

Ченчо. Что нам еще остается сделать?

Джованни Бернардо. Имея теперь на шестьсот скудо меньше, он впал в нужду, в которой раньше были вы, а вы стали таким богатым, каким раньше был он, имея свыше шестисот скудо. Поэтому, раз изменились состояния, меняйтесь также плащами и беретами.

Ченчо. Ах, все-то вы шутите!

Джованни Бернардо. Да-да, шучу! Ну, ответьте мне по-честному, как положено: разве вы не обманули его, как Джиджио обманул Перротино?

Ченчо. А что он ему сделал?

Джованни Бернардо. Не знаете? Я вам расскажу. Он сделал отверстие в куске дерева, вложил туда золото в порошок, обжег дерево снаружи наподобие других углей. А затем в удобный момент с большой ловкостью вынул обгорелый кусок из кармана и подложил этот брусочек с начинкой в печку, откуда скоро сквозь огонь и пепел порошковое золото стало стекать вниз.

Ченчо. Боже меня сохрани! Никогда я не мог себе представить такого жульничества. Чтобы я обманул? Чтобы мессер Бартоломео был обманут? Думаю, что этим путем его нельзя проучить. Он не только не хотел, чтобы я прикасался к чему-нибудь, но даже посадил меня на шесть шагов от печки с первого же раза, как начал работать в моем присутствии. А во второй раз остался совсем один, руководствуясь только моим рецептом. И лишь после того, как опыт был проделан дважды, он решил сделать большой посев, чтобы собрать большой урожай.

Джованни Бернардо. Как? Он увеличил дозы?

Ченчо. Да, настолько, что при первой растопке печи он выручит равнехонько пятьсот золотых как одну монетку.

Джованни Бернардо. Скорее одну монетку, чем пятьсот золотых. До свиданья.

Ченчо. До свиданья.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Марта, одна.

— Лицо моего мужа походит на физиономию человека, который тридцать лет обжигал уголь на горе Скарванта. Рыба не стоит в воде с таким удовольствием, как он весь день — возле дымящихся углей, а затем появляется передо мной с красными, воспаленными глазами, похожий на сатану. И вот, вбивши себе в голову надежду открыть философский камень, он стал таким, что ему скучно сидеть за столом, спать на кровати, и ночь ему кажется длиннее, чем гулящей девке, у которой появилось новое платье и которой не терпится пощеголять в нем. Все-то ему надоедает, всякая свободная минута его огорчает! Единственная его отрада — плавильная печь. Его драгоценные камни — угли, его ангелы — стеклянные реторты с длинными носами и железные перегонные кубы, из которых одни прыгают, другие пляшут, третьи напевают так печально, что напоминают ослиный крик. Недавно, желая взглянуть, что он делает, я подошла к дверной щели и вижу: сидит на стуле, смотрит на балки потолка и, покачивая головой, бормочет: «Засыплю вас сияющими звездами, сделанными из чистого золота». Затем еще что-то пробормотал, воззревшись на ящики и сундуки. Честное слово, сказала я себе, скоро они будут наполены дублонами.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мамфурио, Поллула.

Мамфурио. Вот любовное послание, написанное по просьбе мессера Бонифачо. Горя желанием добиться благосклонности своей любимой, он просил меня сочинить это волнующее письмо. Передайте ему лично в руки. Я тоже отсюда уйду, ибо вижу двух приближающихся женщин, о которых говорится — держись от них подальше.

Поллула. До свиданья, господин учитель.

Мамфурио. Не «до свиданья», а «желаю всяческого благополучия» надобно говорить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Виттория, Лючия.

Виттория. Я страдаю от непроходимой глупости этого Бонифачо. Его тупоумие наводит меня на мысль, что я ничего не потеряю, если возьму его в любовники. Во всяком случае, идите и поблагодарите его от моего имени и скажите, что я не могу прийти в себя от радости, испытанной при чтении его письма, и что за короткое время, которое вы пробыли возле меня, вы видели, что я десять раз вынимала и снова прятала его на груди; наговорите ему какой угодно ерунды, дабы он поверил в мою ответную любовь.

Лючча. Уж об этом можете не беспокоиться. Я легко обведу вокруг пальца не только что его, но самого французского короля. Будьте здоровы.

Виттория. Ступайте. Я целиком полагаюсь на вашу многоопытность, дорогая Лючча.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Виттория, одна.

— Я должна не столько заниматься им, сколько подумать о себе. Из нас, вкушающих лучшие плоды жизни, глупы те, которые ради минутного удовольствия забывают о страсти, а ведь она подкрадывается незаметно и неотвратимо оттесняет друзей. Когда страсть морщит лицо, друзья закрывают кошельки. Когда страсть сушит тело, она похищает и любовников. Поэтому нужно стараться все делать вовремя. Кто медлит, тот теряет. Лови добычу по следу, а не жди, когда она убежит. Хоть он человек безмозглый и слабосильный, зато у него хороший карман. И это не надо забывать. Умные живут за счет дураков, а дураки — для умных. Сделаем же так, чтобы этот расфуфыренный петух не ускользнул от меня. А вот и Сангвино.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сангвино, Виттория.

Сангвино. Целую ваши прелестные колени и ножки, прекрасная синьора Виттория, более сладкая и ароматная, чем конфеты с корицей и имбирный мармелад. О любимая синьора, когда б мы не были на площади, то и цепи святого Леонардо не помешали бы мне поцеловать вас в губки, по которым я уже давно умираю.

Виттория. Что нового, Сангвино?

Сангвино. Господин Бонифачо просит не забывать его, и я тоже прошу его не забывать, как просит учителя добрый папаша о своем мальчике; если же он не

будет понятливым, постегайте его хорошенько, а коли потребуется умелый человек, чтобы разложить его на скамье,— я к вашим услугам.

Виттория. Как? Не понимаю, что вы хотите сказать.

Сангвино. Не понимаете? Не знаете, что хочу я сказать? Вы такая наивная?

Виттория. Я не наивная, но и не такая умудренная, как вы.

Сангвино. Ну, в этом вы не умудрены, зато у вас хватит мудрости на всякие другие проделки. Но оставим пустые словопрения и перейдем к нашему делу. Несколько дней назад мессер Бонифачо огорчился одним нашим с ним разговором. Сегодня, когда я думал, что все уже позабыто, он меня лягнул сильнее, чем осел льва. Но я не хочу, чтобы на этом дело и кончилось.

Виттория. Что он вам сделал? Что вы хотите сделать ему?

Сангвино. Сейчас расскажу. Да вот идут приятели. Уйдемте и поговоримся всласть.

Виттория. Хорошо. Пойдемте ко мне, там вы мне расскажете все в подробностях.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лючия, Барра.

Барра. Пока муж Марты был у себя, растапливал печку и трудился в поте лица, я поработал с ней в передней комнате.

Лючия. И что это за работа была?

Барра. Цыганская забава. Если хочешь послушать все по порядку, то слушай и посмеешься вволю.

Лючия. Охотно посмеюсь.

Барра. Когда я спросил у этой старой карги Марты, не хочет ли она доставить мне удовольствие, она ответила: «Нет, нет и нет».

Лючия. Вот блудливый пес! Долго ты будешь развращать бедных женщин и позорить их семьи?

Барра. Да ты просто рехнулась! Кто тебе говорит

об этом? Разве нет иных удовольствий, которые способны доставить женщины мужчинам?

Лючия. Ну, дальше!

Барра. Если бы она сказала один раз «нет», я бы больше не приставал. Но так как она повторила по меньшей мере раз десять «нет, нет и нет», «ни в коем случае», «ни за что» и тому подобное, то я подумал: сыр ты голландский, ведь она хочет тебя! И тогда я обратился к ней снова с пышной речью: «О бриллиантовые глазки, о дорогое личико, ты хочешь, чтобы я умер?»

Лючия. И ты будешь уверять, скотина, что ничего неизменного не имел в виду?

Барра. Неужели ты неспособна представить себе других способов, с помощью которых женщина может отправить мужчину на тот свет?

Лючия. Ну ладно, дальше. Что же она тебе ответила?

Барра. Она ответила: «Пошел вон, вон входи, уходи, злодей». Если бы она заявила один раз «пошел вон», может, я и отстал бы. Но после стольких «нет, нет и нет», которые она нанизала...

Лючия. Ну, иу, что ж ты ей сказал?

Барра. Нежнейшим голоском я сказал: «Сердце мое, значит, ты хочешь, чтобы я умер? Ты хочешь моей смерти за то, что я люблю тебя? А что же ты сделаешь тому, кто тебя ненавидит, любовь моя? Вот тебе нож; убей меня своей рукой, и я с восторгом отправлюсь на тот свет».

Лючия. О-о! А она?

Барра. А она в ответ: «Проходимец бессовестный, нахал, каторжник! Скажу своему духовному наставнику, что ты меня околдовал. Даже не проси, все равно никогда я не соглашусь. При всех твоих чарах никогда ты не добьешься того, о чем мечтаешь. А если добьешься, тогда всякому ясно будет, что я была права. Если ты мужчина, то думаешь, что можно обижать слабую женщину? Собака. предатель! Да будь у меня кинжал, я тотчас бы тебя убила, пока нет свидетелей и никто не видит».

Лючия. Я вижу, она проявила и стойкость и смелость! Что же она в конце концов сделала? Оказала тебе сопротивление?

Барра. Увы! Силы оставили бедняжку...

Лю ч и а. Ловкач же ты... Ну а теперь мне пора. Надо отнестись ответ мессеру Бонифачо. А то я замешкалась тут с твоей болтовней.

Барра. Иди. А я поговорю вон с тем юношей, который направляется сюда.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Поллула, Барра.

Поллула. Здравствуйте, мессер Барра.

Барра. Добро пожаловать, друг мой. Откуда? Куда?

Поллула. Разыскиваю мессера Бонифачо, чтобы передать ему эту бумажку.

Барра. Что за бумажка? Можно взглянуть?

Поллула. На свете нет ничего такого, что бы я от вас хотел скрыть. Это любовное письмо, сочиненное профессором Мамфурио для Бонифачо, который хочет послать его какой-то даме, в которую влюблен.

Барра. А-а-а! Синьоре Виттории! Посмотрим, что там написано!

Поллула. Читайте.

Барра. «Бонифациус Сова шлет глубокий привет госпоже Виттории Бланке. Когда блистательный Феб возносит с востока сияющую голову, он не кажется столь прекрасным, каким представляется моему вожделению ваше наипрекраснейшее из всех прекрасных лиц, синьора Виттория...». Ну, что я тебе говорил? Разве не угадал, а?

Поллула. Читайте дальше.

Барра. «...Посему пусть никто не удивляется и да не найдется никого, у кого появилось бы удивление...». Что за чертовская манера говорить с женщиной таким образом! Она же не понимает ученые разговоры...

Поллула. Продолжайте, пожалуйста.

Барра. «... У кого появилось бы удивление, что мальчик с луком и стрелой, уколы которого чувствовал даже великий небожитель Зевес,— что этот мальчик с луком пронзил мне сердце острием своей стрелы и неизгладимо начертал им ваше имя...». Пускай он идет к чертовой матери, этот педант, со своей заковыристой запиской. Этот

толстый дурак думает, будто его можно понять? Бонифачо хочет показать свою ученость, а она не поймет, о чем он пишет. Если у него нет другого оружия, кроме этой записки, то в ближайшее время приступа крепости ждать нечего.

Поллула. И я так думаю. Женщины любят послания, выбитые из металла...

Барра. То есть монетки. и чтобы на них было изображение государя.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бартоломео, один

— Любопытно, что же случилось с этим проклятым перегонным кубом, который мычит, как стадо быков?.. Когда обычно рассматривают, в чем состоит сила вещей, делают такое деление: в словах, в травах и в камнях. Почему, прежде чем назвать эти три предмета, не называли металлов? Именно металлы, как, например, золото и серебро, — источник всех вещей. Травы же, слова и камни суть основные вещества только у некоторых сумасшедших философов, которые умирают с голоду без гроша в кармане. Чтобы смягчить в себе яд зависти, которую они питают к денежным людям, они порицают золото, серебро и их владельцев. А после этого все они собираются, как собаки, к столам богачей и шутками добывают себе хлеб. Где? За столами богачей, этих глупцов, которые за слова дают им хлеб и деньги; поэтому философы и делают вывод, что сила находится в словах. Но они простоят понапрасну, если и с моей стороны будут ждать ответа на их болтовню. Ведь я и сам в ответ умею накормить словами тех, кто меня кормит словами. Но если травоядные животные придают значение травам, сумасшедшие — камням, а паяцы — словам, то я со своей стороны ценю только то, ради чего ценится всякая вещь. У кого нет денег, у того нет и только камней, трав и слов, но нет и воздуха, и земли, и воды, и огня, и самой жизни. Деньги дают жизнь на земле, дают блаженную жизнь и на том свете, если, конечно, умеешь ими пользоваться, разумно подавая мило-

стыню. Но это надо делать с большим разбором, ибо, только ведя счет, можно расходовать деньги из любимого кошелька. Недаром один мудрец сказал: «Если делаешь добро, смотри — кому». Я слышал о королевском указе, по которому двадцать один наш карлино будет приравнен к двадцати турниским; пока не опубликуем этот указ, пойду-ка обменяю три моих карлино, а в это время мой слуга вернется с «христовым порошком».

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бонифачо, Бартоломео, Лючия.

Бонифачо. Стойте, мессер Бартоломео, два слова: куда так спешите?

Бартоломео. До свиданья, господии недотепа; есть дела поважнее, чем стоять и болтать с вами о ваших любовных делишках.

Бонифачо. Ах, так? Ну ступайте, и пусть собственная ваша любовь вас уморит.

Лючия. Что за шутки? Разве он знает, что вы влюблены?

Бонифачо. Увы, он знает о том горе, на которое обрек меня господь. К тому же он видел, что я разговариваю с вами. Однако перейдем к нашему делу: что говорит сладчайшая синьора Винторня?

Лючия. Бедная синьора, иуждаясь в деньгах, заложила свой бриллиант и прекрасный изумруд.

Бонифачо. О, черт, какая беда!

Лючия. Думаю, что ей было бы чрезвычайно приятно, если бы вы их выкупили. Это обойдется вам всего в десять скудо.

Бонифачо. Ни слова об этом, выкуплю, выкуплю непременно.

Лючия. И чем быстрее, тем лучше.

Бонифачо. Простите, Лючия, я спешу. Сейчас мне некогда. Вон один из моих друзей, с которым мне необходимо переговорить о важных делах. До свиданья.

Лючия. До свиданья.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Асканио, Скарамурэ, Бонифачо.

Асканио. Вот и мессер Боинфачо, мой хозяин. Мессер! Я здесь с превосходнейшим ученнейшим синьором, синьором Скарамурэ.

Боинфачо. Добро пожаловать. Ну как? Что-нибудь приготовили?

Скарамурэ. Еще бы! Вот фигурка из чистого воска, изготовленная для вас; вот здесь пять булавок, которые нужно воткнуть в эту фигурку в пяти местах. Эту, особенную, самую длинную, воткните в левый сосок. Только смотрите, не вгоняйте слишком далеко, чтобы не умертвить любимую.

Боинфачо. Буду действовать со всей осторожностью.

Скарамурэ. Вот, передаю вам в руки; только смотрите, чтобы никто, кроме вас, не дотрагивался до нее. Вы, Асканио, держите все в полном секрете, постарайтесь, чтобы другие об этом не пронюхали.

Боинфачо. В нем я не сомневаюсь.

Скарамурэ. Хорошо. Прикажите Асканио развести огонь из сосновых поленьев, лаврового и масличного дерева. Как только получите дым, фимиам, курение, нужным образом замороженное и заклятое, — скажите три раза: «Золото, ладаи», и когда увидите, что восковая фигурка обволакивается фимиамом и дымится, возьмите ее в руки и три раза скажите: «Без чего ничего»; зевните три раза, закрыв глаза, и затем медленно поворачивайте фигурку к огню, но, смотрите, так, чтобы она не растопилась, иначе любимая помрет.

Боинфачо. Я буду очень осторожен.

Скарамурэ. Поверните фигурку три раза. И каждый раз приговаривайте: «Цаларат, Цхалпфпр, закуй в кандалы, возьми, Мнрион, тело Внтторни». Когда все это будет сделано, ждите, пока огонь погаснет сам собой. Затем положите фигурку в тайничок, но чтоб был он не пыльный, а чистый и надушенный.

Боинфачо. Все сделаю как нужно.

Скарамурэ. Да, не забудьте еще, что я издержал

пять скудо на разные вещества, чтобы изготовить фигурку.

Бонифачо. А! Хорошо, я возьму.

Скарамурэ. Затем вы должны вспомнить и обо мне.

Бонифачо. Вот, получите сейчас, а потом, когда дело выгорит, дам вам значительно больше.

Скарамурэ. Примите во внимание, мессер Бонифачо, что не подмажешь — не поедешь.

Бонифачо. Черт возьми! Да если бы я этого не знал, разве стал бы я прибегать к волшебству? Так, я надеюсь, все это обойдется мне значительно дешевле.

Скарамурэ. Значит, за дело. Не мешкайте и делайте, как вам сказано, ибо звезда Венера находится теперь около последнего градуса созвездия Рыб.

Бонифачо. Итак, до свиданья. Идем, Асканио.

Скарамурэ. В добрый час!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Скарамурэ, один.

— Хватит и семи скудо, вырванных из рук этой вши. Если хочешь хоть что-нибудь содрать с этих типов, всегда нужно ссылаться на понесенные расходы. За мой труд он не дал бы мне сейчас более двух скудо, а остальные заплатил бы через неделю после Страшного суда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лючия, Скарамурэ.

Лючия. Куда понесла его нелегкая? Морочит меня этот баран.

Скарамурэ. Здравствуйте, Лючия, откуда и куда?

Лючия. Ищу мессера Бонифачо, которого недавно оставила с вами. Я думала, он подождет меня.

Скарамурэ. Чего вы от него хотите?

Лючия. Сказать вам по-дружески, сибьора Витторня послала к нему просить денег.

Скарамурэ. А-а, понимаю. Сейчас он разогреет фигурку и разведет для нее дым и фимиам. Деньги он отдал мне, чтоб не давать ей.

Лючия. Что за чертовщину вы несете?

Скарамурэ. Синьора Виттория требует много, а он хочет приковать ее к себе всего за полдюжины скудо.

Лючия. Как же он это сделает?

Скарамурэ. Пойдем к синьоре Виттории, поговорим с ней и вместе придумаем какую-нибудь проделку. Нужно, чтобы я по-прежнему не выходил из доверия у этого павиана. А его мы проучим и всласть посмеемся.

Лючия. Мысль удачная, но поспешим отсюда. Я вижу, сюда идут.

Скарамурэ. А вот и маэстро. Пошли.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мамфурио, Скарамурэ, Поллула.

Мамфурио. Вот и я! Своему врагу не пожелаю встретить тебя, Скарамурэ.

Скарамурэ. Ну что ж, до свиданья, в другой раз поговорим, когда я не буду так занят.

Мамфурио. Иди, ступай, трудись. Ну а вот если б ты прослушал мою речь, ты бы, право, поразился.

Поллула. Учитель, хотите, я ее прочитаю?

Мамфурио. Ни в коем случае. Пока не обработаны периоды, они не звучат с должной энергией, у них не будет должной величественности и мощи. Недаром князь греческих ораторов Демосфен утверждал: «Главное достоинство оратора заключается в округлости дикции». Слушай:

«Твоя Мниерва — грубая бабенка,
К тому ж толста, и мыслишь ты не тоiko,
Тупица, неуч никому не нужный,
Семьею муз не зря оплакан дружной,
Слепец умом, дуракус преогромный,
Чурбанус неотесанный и темный,
Корявый слогус, темное умишко,
Ни дна тебе, презренный, ни покрывки.

Болтаешься с твоей мозгой кургузою
По матери-земле обузою.

Глупец, пошлякус нестерпимый,
Ум — темятища, мрак непроходимый,
Ишакус, даже хуже — хвост ослиный,
Никчемный типус, в грамоте — невинный.
Не засверкав, способности угасли,
Длиннющая лапша на постном масле.
Уменья мыслить полностью лишённый,
Ад, бесконечным мраком начиненный,
Ты со своими коготками неживыми
Свое невежество донес до старости.

Умишка нет, отсутствует фантазия,
Вниманье — сплошное безобразие,
И никакого нет образования,
Как нет и воспитания.
Ты, Марса своего себя лишивший
И жиром весь заплывший,
Слепец, кому ни в чем не разобраться,
Тебе лишь со скотом равняться,
Дня невежества, лиши ты света,
Ни на один вопрос не дашь ответа».

Слышал ты подобные десятистия? Одни пишут четверостишия, другие — шестистишия. А у меня идеальное число десять... Но кто вон этот, или эф тот, который торопливо идет нам навстречу?

Поллула. Это живописец Джованни Бернардо.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мамфурио, Джованни Бернардо, Поллула.

Мамфурио. Добро пожаловать, вы, которому не менее подходят фаифары громкозвучной славы, чем Фидию, Апеллесу и Полигноту!

Джованни Бернардо. Из сказанного я разобрал только насчет херса и полил глотку. Кажется, вы так и поступили, и это заставило вас говорить внятно. Впрочем, если бы и я поужинал, то ответил бы вам не лучше.

Мамфурио. Когда выпью винум, лучше говорю латинум.

Джованни Бернардо. Чертовски много развелось этих ученых крыс!.. Поди, тысяч сто наберется!

Мамфурио. Примите их в свои сосоварищи. Где ты, Поллула? Видишь, в какое гиусное, чудовищное и буйное время мы живем?

«Сей век — печальный век, в котором я живу:
Лишей высокого и полон он гордыни».

Но поспеши домой, я хочу заставить тебя поупражняться в наречиях места.

Поллула. Я знаю их назубок и крепко держу в голове.

Мамфурио. Этот перечень необходимо чаще повторять и вызывать в памяти!

«Капля камень долбит, лишь часто в него попадая,
Мудрым становишься ты, не дважды, но часто читая».

Поллула. Пожалуйста, проходите вперед, глубокоуважаемый учитель, а я пойду вслед за вами.

Мамфурио. Так и надо поступать на людях и в общественных местах. В частных же помещениях и дома такая церемонность не обязательна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сангвино, Барра, Марка, Скарамурра.

Сангвино. Вас-то я и разыскиваю. Сегодня вечером мы собираемся чиннуть одно забавное дельце, и притом не без пользы для себя. Я переоденусь капитаном Пальмой, а вы с Корковиццо превратитесь в полицейских. Спрячемся тут неподалеку и вечером постараемся сцапать мессера Бонифачо либо при входе, либо при выходе из комнаты синьоры Виттории. Ей мы доставим развлечение, а себе пользу.

Барра. И в придачу вдоволь удовольствия.

Марка. Да, клянусь богом. А может, извлечем и еще кое-что.

Барра. Работы хватит на всех.

Скарамурэ. По ходу дела я объясню вам, как надо действовать. Но только, смотрите, обращаться с Бонифачо надо вежливенько. Городскую стражу сюда замешивать не надо. Пугнем хорошенько и отпустим.

Сангвино. Правильно. Только приходите без опоздания, чтобы в нужное время все были в сборе; мы будем ждать вас в доме Виттории.

Барра. Желаем успеха.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Корковиццо, Мамфурио.

Корковиццо. Вам известно, что он влюблен?

Мамфурио. Отлично. Его любовь проходит через мои руки. Я сам сочинил ему любовное письмо, которое он выдает за свое.

Корковиццо. То-то он вчера словно повеса юнец заказывал на сегодня сапожнику Луке новые башмаки из испанского сафьяна. Пронюхав об этом, Сангвино уже сегодня с утра стал подкарауливать, когда мессер Бонифачо пойдет за башмаками. И вот, увидев, что Бонифачо сворачивает с главной улицы к лавке, он незаметно, без плаща, приблизился к нему и вслед за ним вошел в лавку. Сапожник принял его за слугу Бонифачо, а так как был он без плаща и с засученными рукавами, то мессер Бонифачо в свою очередь принял его за подмастерье. А потому, примеривая башмаки, мессер Бонифачо, не задумываясь, отдал ему свой плащ, крытый бархатом и украшенный золотыми пуговицами. Сангвино принял плащ двумя руками, как это делают исполнительные лакен или подмастерья, рассчитывающие получить на чай. Покуда мастер Лука расхваливал свой товар, а мессер Бонифачо углубился в примерку, Сангвино с умильным видом поглядывал то на потолок лавки, то на посетителей, то на прохожих. Затем он разок прошелся по лавке и, выбрав подходящий момент, был таков. Кстати, плащ какого рода? А как будет творительный падеж?

Мамфурио. Ха-ха-ха! Скажи лучше, дательный падеж для отдавшего и творительный падеж для сотворив-

шего воровство. Если бы вы учились, а не вертели вола, из вас получился бы дельный малый.

Корковниццо. Вернемся к делу. Когда мессер Бонифачо кончил примерку, а сапожник Лука в последний раз провел щеткой по новым башмакам, Бонифачо величественно протянул руку за плащом. Сапожник отвечает: «Он у вашего лакея... Эй, где ты? Болтаешь там за дверью?» «Я человек скромный и с лакеями не расхаживаю, — сказал Бонифачо. — Вы имеете в виду своего подмастерья?» «Клянусь святой Марней, такого у меня никогда не было». — отвечает сапожник. Ну тут начался крик и переполох... Представляете себе, мессер Бонифачо в новых шкарных башмаках и без прекрасного плаща, который у него сперли? Ну да, к слову сказать, теперь просто не продохнешь от всевозможных негодяев, мошенников, карманников, столько их развелось в Неаполе.

Мамфурно. Сущее бедствие для нашего края, расположенного под небом Меркурия, которого справедливо почитают богом — покровителем воров. А потому, друг мой, советую позорче стеречь свой кошелек.

Корковниццо. Что касается меня, то я ношу деньги вот здесь, видите?

Мамфурно. А я не ношу ни на спине, ни на боку, но в паху или тут на животе. Иначе в этой воровской стране нельзя.

Корковниццо. Ясно вижу, господин профессор, что вы мудрейший человек и что учеба пошла вам на пользу.

Мамфурно. Это ясно и моему покровителю, детей которого я обучаю, то есть делаю культурными или, иначе говоря, вывожу из дикости. Покровитель посылает меня узнать цену материи, выбрать покрой одежды, расплатиться с портным; деньги же я, как хороший эконо́м, храню в этом шерстяном жилете.

Корковниццо. Великолепный господин профессор! Провидению было угодно, чтобы я получил от вас хорошие советы и указания, как жить. Окажите, пожалуйста, мне еще одну любезность — разменяйте шесть дублонов. Уж очень не хочется идти из-за этого в банк! Вот, пожалуйста, вам дублоны, а вы дайте мне скудо или другие мелкие монеты. Мне не придется ходить, а вы заработаете шесть сольдо на размене.

Мамфурио. Сделаю это не из выгоды, а по евангельскому праву, то есть из гуманности и любезности. Да и мне польза: легче тащить золото, чем серебро, серебро, чем медь. Считайте: три и два — пять, семь и четыре будет одиннадцать... двадцать... ваших шесть дублонов... Немного удержим за размен.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мамфурио, Барра, Марка.

Мамфурио. Караул! На помощь, на помощь! Держите его, держите! Плут, добытчик чужого добра, чистильщик кармаиов, любитель кошельков! Ловите его, ловите! Он утащил мои червонцы и серебро!

Барра. Что такое? Что он натворил?

Мамфурио. Зачем вы дали ему удрать?

Барра. Откуда мы знали? Он бежал и орал: «Хозяин хочет меня побить, а я ни в чем не виноват». Мы его и отпустили, чтобы у вас прошел первый гнев, а потом вы можете наказать его дома в полное свое удовольствие.

Марка. Правильно, синьор. Иногда надо прощать слугам. Строгость не всегда нужна.

Мамфурио. Да он вовсе и не слуга! Это мошенник, который вырвал у меня из рук десять скудо!

Барра. Что же вы тянули канитель? Почему не кричали: «Обокрали, обокрали!» — вместо того, чтобы вызывать на какой-то тарабарщине?

Мамфурио. Слово «обокрали», которое вы произносите, не литературное, оттого ученые, вроде меня, не употребляют его.

Барра. Ну крикинули бы попросту: «Вор, вор, вор!»

Мамфурио. Это было бы не совсем точно. Ведь он под видом порядочного человека похитил мои деиешки!

Барра. Смотрите, как бы с вашей грамматикой вам совсем не пропасть! И все оттого, что не хотите говорить по-простому.

Мамфурио. О вор, о пища, достойная коршуиов!

Марка. Скажите, почему вы не погнались за ним?

Мамфурио. Вы хотите, чтобы почтенный наставник

юношества, в тоге, ускорил свой шаг в общественном месте? Подобным как нельзя более пристала поговорка «поспешай с медленностью».

Барра. Вы правы, синьор доктор, что никогда не забываете о вашем достоинстве и о величественности вашей походки.

Мамфурио. О вор! Хотел бы я увидеть твою шкуру натянутой на барабан. О боже, хорошо, если он еще не все похитил у меня. А что скажет мой меценат, мой покровитель? Я ему отвечу, укрываясь за авторитет Аристотеля с ссылкой на его книгу о физиках: «Случай этот из тех, которые происходят изредка и непреднамеренно».

Барра. Полагаю, что ваш покровитель Виолоне удовлетворится этим.

Мамфурио. О несправедливые блюстители законности, когда бы вы честно выполняли ваш судейский долг, то не было бы такого числа злоумышленников! Может быть, он не все украл? О величайшее злодеяние!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сангвино, Барра, Мамфурио, Марка.

Сангвино. Вот так-так! Добрые люди, чего он так бежал, что он сделал, этот бродяга?

Барра. Мы испытываем величайшее огорчение, мессер. В руках у нас был вор — не знаем, как его называют синьор профессор на своем ученом наречии, — так вот этот самый вор сбежал.

Сангвино. Не понимаю — зачем? Куда он сбежал?

Мамфурио. Он у меня украл десять скудо.

Сангвино. Украл? Украл? У вас, синьор? У вас, господин профессор? Горячо приветствую вас! Вы не узнаете меня?

Мамфурио. Я вас видел несколько часов назад, когда вы были здесь с моим учеником Поллулой.

Сангвино. Правильно, господин синьор профессор. Помните, что я ваш покорный слуга и мне очень хочется доставить вам удовольствие. Знайте, что ваши скудо нашлись.

Мамфурио. Да захотят этого бога, да совершат это небожители! О, если бы!..

Барра. Если вы окажете столь великую услугу этому ученнейшему человеку, вам это зачтется, ибо совершить более достойный поступок в жизни вам вряд ли представится случай. И профессор не останется неблагодарным. Я же со своей стороны подарю вам одно скудо.

Сангвинно. Ваши деньги нашлись, повторяю вам.

Мамфурио. Они уже у вас?

Сангвинно. Нет, но считайте, что они уже как бы у вас в руках, профессор.

Барра. Вы знаете вора?

Сангвинно. Знаю.

Мамфурио. О всевышние небожители, все боги и все богини!

Марка. Это уже полдела!

Сангвинно. Идем все искать вора. Я отлично знаю его гнидышко. Никакого сомнения, он будет в наших руках. Он не сможет отпираться, потому что я видел, как он убегал. А то, что он не видел меня, значения не имеет.

Марка. А мы видели, как он вырвался из рук синьора профессора.

Мамфурио. Вы достовернейшие свидетели.

Сангвинно. Нечего ломать себе голову: или он отдаст нам деньги, или мы предадим его в руки правосудия.

Мамфурио. Так, именно, лучшего не придумаешь. Вы говорите великолепно!

Сангвинно. Синьор профессор, необходимо, чтобы вы присутствовали.

Мамфурио. Великолепно. «Их ободряет присутствие Турна», как говорит Вергилий.

Сангвинно. Однако если мы пойдем все четверо и постучим в дверь, то может случиться, что распутная девушка, с которой он живет, да и сам он, завидев нас, не разрешат нам войти, или же этот ворюга постарается удрать. Тут нужна какая-нибудь хитрость. Надо сделать так, чтобы он нас сразу не узнал. Я же попробую втянуть его в разговор... Вам, синьор Мамфурио, следовало бы переменить платье. Вы, милостивый государь, не будете ли так любезны сказать, как ваше имя?

Барра. Коппино.

Сангвинно. Синьор Коппино, сделайте одолжение мне и профессору, который сумеет вас отблагодарить.

Мамфурио. Я к вашим услугам.

Сангвинно. Одолжите ему ваш короткий плащ, а профессор отдаст вам свою тогу. Разница в росте сделает вас неузнаваемым. И, чтобы довершить этот маскарад, отдайте, синьор профессор, свою шляпу этому синьору, а сами возьмите его берет. Теперь идем.

Мамфурио. За исключением случаев, вызванных настоятельной необходимостью, не следует отказываться от собственного вида. Тем не менее, однако,—в подражание Патроклу, который, переменяя одеяние, прикинулся Ахиллом, и в подражание громовержцу Юпитеру, менявшему столько обликов для своих целей,—и я не откажусь от необходимой метаморфозы и расстанусь со своей тогой ученого ради достижения конечной высшей цели, каковая состоит исключительно в фиксировании этого злостного правонарушения.

Барра. Не забудьте только, господин профессор, хорошенько вознаградить любезность этих синьоров. Что касается меня, то оказываю вам помощь совершенно бескорыстно.

Мамфурио. В общей сумме я вам отдам третью часть возвращенных скудо.

Сангвинно. Спасибо за беспримерное ваше великодушие и щедрость.

Барра. Итак, вперед.

Мамфурио. Идем, и бог нам в помощь.

Сангвинно. Пошли.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Виттория, одна.

— Напрасно ждать — без пользы страдать. Если все произойдет слишком поздно, то ничего не выйдет и на этот раз. А неизвестно, представится ли снова такой удобный случай, как сегодня вечером. Пусть эта овца пожнет плоды, достойные его любви. Когда я уже решила сколотить себе приданое на любовном его пыле, я узнала, будто он пытался приворожить меня с помощью восковой фигурки. Но даже усилия всей преисподней не смогли бы меня вставить полюбить того, кто не может быть предметом любви. Если бы он был самым Купидоном, прекрасным, но бедным или скупым! Но он будто холодный труп, и все относятся к нему с ледяной холодностью. Есть ли среди смертных кто-нибудь выше монархов, но даже монархи, у которых пусто в кармане, походят на дряхлые статуи в ободренных алтарях, к коим никто не питает почтения. А что такое Бонифачо, ищущий любви ради своих прекрасных глаз? Экий остопоп! Самовлюбленный болван! Не далее как сегодня вечером он увидит результат своего волшебства. Однако чем занята эта старая ведьма? Где она вамешкалась? А! Наконец-то!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лючия, Виттория.

Лючия. Вы здесь, синьора?

Виттория. Я так заждаюсь, что не могла усидеть в комнате. Смотри, чтобы сегодняшней вечер сошел для

этих господ так, как мы с тобой условились. Ты предупредила жену Бонифачо?

Лючия. Я ей выложила все как есть и еще много сверх того, так что она вспыхнула и горит нетерпением захватить своего муженька врасплох. Она молодец и придумала план, который мне нравится. Вы одолжите ей вашу юбку и накидку, она переоденется, прикроет лицо мантильей, как это делаете вы, и мы оставим ее с супругом наедине без света...

Виттория. Здорово, но ведь надо, чтобы она с ним поздоровалась и сказала хоть несколько слов. Сомнительно, чтобы он не узнал ее по голосу...

Лючия. Ну, это проще простого! Я его предупрежу, чтобы они говорили шепотом, ибо соседи любопытные и любят подслушивать...

Виттория. Ловко придумано!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бартоломео, Бонифачо.

Бартоломео. Спешите, спешите, мессер Бонифачо. Я только что видел вашу зазнобу, ваше сердце, вашу душу... Она мне показалась такой красивой, что у меня...

Бонифачо. Бросьте свои шутки, мессер Бартоломео. Я влюблен. опутан такой сетью, что...

Бартоломео. Ничего у вас не выйдет, если только вам не поможет Фортуна, покровительница дураков.

Бонифачо. Судьба, хотите вы сказать. А я вам скажу, мессер Бартоломео, что в случае удачи всякий находит причину, которую сами вы никогда не имели в виду. Вот я, например, преследую свою цель с настойчивостью дикого кабана, лезу напролом, а когда добиваюсь успеха, люди говорят: «Как он умно сказал, как умно поступил, оттого-то и достиг своего». Если же цели ты не достиг, как бы умно все заранее ни рассчитав, всякий назовет тебя болваном. Уж так устроен мир.

Бартоломео. Сюда идет Лючия, оставляю вас одних. Я послал своего пария в лавку к Консальво за не-

кнм полезным для таких случаев порошком, а он, скотина, медлит. Схожу сам.

Бонифачо. Идите. А мне надо с ней поговорить о делах — не о тех, о которых вы думаете.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бонифачо. Лючия.

Бонифачо (про себя). Эта прежде всего попросит у меня денег. А мое решение простое: огурец в кастрюле, и тогда получай деньги. С женщинами я иначе не поступаю. (К Лючии.) Добро пожаловать. Лючия. Какие новости?

Лючия. О милейший мессер Бонифачо, мне даже некогда поздороваться: тороплюсь поговорить с вами о помощи этой несчастнейшей синьоре.

Бонифачо. Болезнь кошелька?

Лючия. Она умирает.

Бонифачо. «Когда будет мертва, тогда и устроим погребение», — сказал один святой отец.

Лючия. Я хочу сказать, что синьора Виттория просто умирает из-за вас, жестокий вы человек. Какую жизнь вы ей сулите? Вы тут мешкаете, а эта бедняжка просто истекает слезами. Если бы вы могли взглянуть на нее сейчас, вы бы просто ужаснулись — так она иссохла с тоски! Или признайтесь, что у вас к ней любви не больше, чем сострадания.

Бонифачо. Что? Она так нуждается в деньгах?

Лючия. Кто говорит о деньгах? Пропади они пропадом! Если вы хотите денег, она сама вам их даст.

Бонифачо. Ах, нет... нет, что вы. Этого я не хочу, нет-нет.

Лючия. Значит, вы не верите ей, жестокосердный, безжалостный! (Рыдает.)

Бонифачо. Вы плачете?

Лючия. Плачу из-за вашей жестокости и из сострадания к этому ангелу. (Плачет.) Никогда я не наблюдала такой любви в женском сердце. И до сегодняшнего дня она, конечно, любила вас, но теперь, вот уже несколь-

ко часов, не знаю, что за безумие овладело ею. Только и слышишь: «О мой мессер Бонифачо, сердце мое, недра души моей, солнышко мое, моя любовь, пламя мое!» Если б вы на нее взглянули, вы увидели бы ее распростертой на кровати. Она уткнулась лицом в подушку и вцепилась в нее обеими руками! А послушали бы жалобные ее причитания: «О! Любимый Бонифачо, кто-то тебя похитил у меня! О жестокая судьба! Когда он любился, я отказывала ему; а теперь, когда я так страдаю, он не хочет меня и видеть. О истерзанное сердце мое!»

Бонифачо. Возможно ли? Неужели она так говорит? Могу ли я верить?

Лючна. Вы хотите, чтобы я взяла грех на душу?.. (Плачет.) Бедная синьора Витторния, злая судьба заставила тебя влюбиться в этого жестокого человека! Теперь я вижу, что вы никогда ее не любили и что во всем Неаполе нет большего притворщика, чем вы... Вот горе! Какое облегчение я смогу принести тебе, бедняжка?

Бонифачо. Я верю вам, верю, дорогая Лючна. Не надо плакать. Я настолько потрясен вашим рассказом, что не нахожу нужных слов. Я смущен благосклонностью неба! Царица моей души всегда отталкивала мою любовь, оставаясь столь же холодной, сколь и красивой, и наконец, это алмазное сердце тронулось!

Лючна. Тронулось? Да если б я ее не удержала, она прибежала бы к вам домой. Я ей сказала: «Безумная, вы хотите погубить его? Что скажет его жена? Что скажут все, кто вас увидит? Разве вы не знаете, как он вас любит? Любовь ослепила вас! Подумайте лучше о том блаженстве, которое вы доставляете ему, согласившись его принять здесь, этой ночью!»

Бонифачо. Еще бы! Вы говорите, как по Евангелию.

Лючна. Эта скорбная душа словно позабыла о стольких знаках любви, которые вы ей выказывали. Когда я напомнила о них, она сказала: «Возможно ли, о жестокое небо, чтобы он сам пожелал прийти ко мне?»

Бонифачо. Боже, так, значит, она сомневается, душа души моей!

Лючна. Вы знаете, что надежда слабеет по мере того, как крепнет желание.

Бонифачо. Скорее сатана прочитает «Отче наш» и «Богородицу», чем я смогу жить без любимой, желанной владычицы моей души. Однако куда вы направлялись с таким грузом?

Лючина. К соседке, чтобы вернуть ей эти простыни, а потом я собиралась зайти к вам. Но мне повезло. Я встретила вас здесь. Ну, что же вы надумали? Хорошо бы вернутся поскорее и утешить бедняжку, обрадовав ее известием, что вы скоро будете у нее.

Бонифачо. Идите и передайте ей, что сегодня счастливейший день моей жизни: мне даровано небом поцеловать прелестнейшее личико той, что владеет ключами от моего удрученного сердца.

Лючина. Это у нее удрученное сердце. Непременно приходите сегодня же вечером, ведь она ничего не ест, не пьет, не спит... Перестаньте мучить ее. Умоляю вас, если только в вашем сердце осталась хоть капля жалости, а я вижу, как она тает, словно свеча на огне.

Бонифачо. Вот закончу одно дело и тотчас соберусь.

Лючина. А вы знаете, какие меры предосторожности должны вы будете принять? Для сохранения ее и вашей доброй репутации нужно, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений, когда увидят вас входящим или выходящим из ее дома. Учтите, что соседки до полуночи торчат у окон, смотрят, кто пришел, кто вышел. Поэтому вам надо переодеться. Наденьте плащ с рукавами, вроде того, что носит мессер Джованни Бернардо, который, не вызывая подозрений, ходит в наш дом. Еще хорошо было бы вам подвязать на случай черную бороду, похожую на бороду Джованни Бернардо. Тут уж и в двух шагах никто вас не распознает. Такая предосторожность будет очень по душе синьоре, ибо она убедится, сколь дорожите вы ее честиным именем.

Бонифачо. Вы, Лючина, прекрасно это все придумали. Я ведь как раз одного роста с мессером Джованни Бернардо. Плащ, о котором вы говорите, мне не придется долго разыскивать, я знаю, где раздобыть точно такой. Что же касается бороды, то я прямо отсюда иду к цирюльнику и прикажу приклеить подходящую бородку.

Лючиа. Желаю успеха, и приходите поскорее. Всего вам хорошего. У меня просто гора с плеч свалилась. Бонифачо. Ступайте, в добрый час.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бонифачо, один.

— Из сказанного легко усмотреть, что я чересчур близко поднес восковую фигурку к огню, так что она начала уже оплывать, а значит, и ангела моей души я слишком разгорячил! Смотрите, как бедная женщина потрясена любовью; клянусь богом, я сам готов заплакать! Если бы мессер Скарамурэ — теперь вижу, что он порядочный человек, — если бы мессер Скарамурэ не предупредил меня словами: «Остерегайтесь, чтобы фигурка не растаяла», то я, конечно, сделал бы безумное дело, о котором даже и подумать страшно. Вот теперь и считайте чернокнижие шарлатанством!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марта, Бонифачо.

Марта. Вот кусок осла; если б. по милости божьей, он был целым ослом, от него была бы хоть какая-нибудь польза. Добрый вечер, синьор Звонодурачо.

Бонифачо. Добро пожаловать, синьора Марта. Ваш муж философ, и вы хотите ему подражать — то-то вы переиначиваете слова. Что следует понимать под этим «Звонодурачо»?

Марта. Как поживает ваш кошелек?

Бонифачо. Так же как мозг вашего подруга, то есть я хотел сказать, супруга, когда у него не осталось ни гроша в кошельке.

Марта. И вовсе не остроумно.

Бонифачо. Благодарю вас за любезность! Везде-то вы ищете язвы, словно лекарь. Помогли бы лучше себе, я даже могу подсказать лекарство. Если хотите ле-

карства не сильного, сходите к монахам в Санта Мария делла Нова.

Марта. Хотите сказать, что для монахов я могу оказаться в радость, господин глупец?

Бонифачо. В обрушившихся алтарях не возжигают свечей и во взломанных сундуках не хранят деиьги.

Марта. Разве пристали пожилому человеку такие речи? Мальчикам — девочки, молодым — молодницы, а старые должны довольствоваться лежалым товаром.

Бонифачо. Дорогая снньора, старому коту надо мышку понежнее.

Марта. Только старикам? А почему не старухам?

Бонифачо. Потому что женщины созданы для мужчин, а все мужчины — для женщин.

Марта. То-то вы так обращаетесь с вашей женой! Вы оставляете ее увядать от засухи. А ведь она молода и красива. Да что говорить! Все приедается. Даже после самой сладкой пищи тянет на соленое. Разве не так?

Бонифачо. Нет! Вы просто чужие слова повторяете. Но шутки в сторону, милая Марта. Я знаю, что вы владеете многими секретами. Помогите мне. Сегодня ночью мне предстоит жаркая баталня. Посоветуйте мне, пожалуйста, какое-нибудь укрепляющее снадобье.

Марта. Возьмите кусочек спинного мозга, кору винограднои лозы и яичную скорлупу; все это разотрите в порошок, всыпьте в кружку с кипяченой водой, размешайте и выпейте.

Бонифачо. Клянусь святым Фрегонием, да вы просто светоч науки! Однако мне пора. Всего хорошего. Очень вам благодарен.

Марта. До свиданья. Если увидите моего прокопченного супруга, скажите, что я ищущ его по важному делу.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марта, одна.

— Чем человек богаче, тем ему труднее живется. Больше дум, больше желаний и меньше времени на удовольствия. Князь дн Конка содержит свое княжество, полу-

чая с него полтора скудо в день, а французский король с трудом справляется со своей монархией, расходуя нной раз по десять тысяч в день. Подумай теперь, кто из двух богаче и кто должен быть счастливее? Я была счастливее, когда мой глупец муж не мог столько тратить, сколько тратит сейчас. Тогда мы предавались любовным играм непрерывно и в подобных благочестивых занятиях проводили ночь и добрую часть дня. Теперь же, когда благодаря наследству от Пуччиоли — будь он проклят! — денег прибавилось, муженек стал задумчив, тоскует, боится разорения, тревожится, чтобы его кто-нибудь не облапошил или не пристукнул, все время что-то толчет и плавит и вздыхает по двадцать четыре часа в сутки. Не будь Барры — спасибо ему, сердечному, — меня и в полгода раз не оросил бы дождик! Вчера я заказала обедню Илье-пророку против засухи. Но большого проку от этого пока не вижу: вместо того чтобы бросить плавильную печь и прийти в спальню, он сегодня ушел из дома раньше обычного, и вот теперь мне приходится ходить по жаре и разыскивать его. Правда и то, что, когда меньше всего ожидаешь, тут-то и совершается милость господня. Ах, кажется, его голос!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бартоломео, Марта, Мокьоне.

Бартоломео. О бедный я, несчастный горемыка! Что же теперь делать?

Марта. Несчастный, на что ты жалуешься?

Бартоломео. Увы! Если это так, то я потерял больше, чем кто-либо. Говори, воришка, аптекарь тебе так прямо и сказал? Смотри мне в глаза!

Мокьоне. Да, снйор. В конце он добавил: «У меня нет порошка, и я не знаю, можно ли его найти»; и еще сказал, что порошок был ему дан когда-то мессером Ченчо и что он не знает, что это за чертов порошок.

Бартоломео. О безутешный Бартоломео!

Марта. Господи Иисусе Христе, святая Марня, аллилуйя, аллилуйя, всякое зло мнущя! Святой Кузьма и

Дамиан, всякое горе сбрось в океан! Что случилось, дорогой Бартоломео?

Бартоломео. И ты здесь в этот проклятый час! Иди к чертям домой, а я хочу принять решение: повеситься мне или нет. Пойдем, Мокьоне, понщем. Он еще в лавке?

Мокьоне. Да, синьор. Сюда — это самый короткий путь.

Марта. Вот горе, так уж горе! Вернусь домой и буду ждать новостей. Богородица, спаси и разорения не допусти!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мамфурио, один.

— Нынешний день должен быть отмечен как черный. О небесная твердь, о Нептуины моря! После того как у меня выхвачены из рук деньги подлейшими из всех мошенников на свете, трое появившихся других представились мне под предлогом оказания законной помощи. Они злонамеренно оставили мне вытертый плащ и старенькую шапочку. А моя шляпа и докторская тога исчезли. Вот достойная награда за веру в людей и в бога. Они убедили меня притворными словами: «Пойдемте с нами, мы живо поможем сыскать вора». Я доверчиво последовал за ними, и они завели меня в дом какой-то проститутки. Войдя туда, они оставили меня ждать во двореке виизу. И вот после долгого ожидания, которое я использовал для обдумывания доказательств, с помощью коих я сумел бы привести вора в смущение, — решился наконец подняться по ступенькам и постучать в дверь. Мне ответил голос старухи, что если я захочу войти, то найду там девиц, заслуживающих всяческого внимания. На это я сказал, что голову мою занимает сейчас совсем иное дело, и прошел дальше. И вдруг я очутился в каком-то переулке. Оказалось, что дом имеет два выхода. Тогда я сказал себе: «Друг Мамфурио, если они вошли в эту дверь, то вышли в ту, а если бы вошли через ту дверь, то вышли бы через эту». И вот в таком глупей-

шем положении, еще пуще боясь иовой помощи или нового совета, подобных предшествующим, я рассудил за благо немедленно удалиться из тех мест. Домой же я решил пробираться переулками, избегая многолюдных улиц, ибо всего дороже для меня репутация. В густой же толпе я всегда рискую встретить человека знакомого, который наверняка подивится моей столь непристойной одежде. Хорошо бы скрыться тут за углом, так как я вижу двух приближающихся кумушек.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Карубина, Лючия

Лючия. Заступница наша!

Карубина. Что, похожа я лицом и жестами на синьору Витторию?

Лючия. Клянусь, не знаю я, что это ты, я была бы уверена, что это она. Но на всякий случай говори с ним шепотом, совсем тихо, да и ему скажи, чтобы не шумел, ибо могут услышать соседи. А лицо твоё такое цветущее, нежное и полное, совсем как у синьоры Виттории, если не лучше.

Карубина. Света в комнату не давайте, пока не сделаю вам знака. Хочу поймать его с поличным.

Лючия. Но прежде чем ошарашить этого скота, надо раздражить его любовный пыл. Забавно будет посмотреть, с какой страстью он полезет к Виттории.

Карубина. Ну что до любовного пыла, то он испытает все сполна! Я иакинусь на него, словно изголодавшаяся волчица: буду его мять, целовать, укушу ему щеку, цапну зубами за руку так, что все вы услышите его крик и позабавитесь комедией. Затем скажу: «Простите меня, сердце мое, это я от чрезмерной любви!..»

Лючия. А не подумает ли он про себя: «Однако что за собачья у нее любовь?»

Карубина. Я буду крутить его в объятиях так, как выкручивают белье в стирке. Я уверена, что от боли он защищаться-то толком не сможет.

Лючиа. Ха-ха! Такой боли не вытерпел бы сам Геркулес!

Карубина. Будьте уверены, он так возопит, что крик его донесется до нашего дома. Когда он начнет кричать, вы прибежите с огнем, и тут, отдав себя под покровительство деви Лючин Сиракузской, мы все посмотрим на него при свете свечей и факелов. Предсказывать, что произойдет дальше, не будем.

Лючиа. Придумано здорово. Идите к дому синьоры Виттории. Можете идти любым путем, только прикройте лицо мантилей. Если встретите его по пути, испустите пламенный вздох и направляйтесь к нашим дверям, которые будут отперты. А я в это время буду хлопотать еще над одним делом, затем схожу за вашим супругом и приведу его в дом. До свиданья.

Карубина. Всего хорошего, до скорого свиданья

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лючиа, одна.

— Весь день хожу и думаю, что вечером поймем этого балбеса в ловушку. Пока все идет хорошо. Остается только предупредить мессера Джованни Бернардо, чтобы он и его приятели были вовремя на месте. Клянусь святой Темпориой, вот он собственной персоной!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Лючиа, Джованни Бернардо.

Лючиа. Вы как раз вовремя.

Джованни Бернардо. Что вы успели приготовить, Лючиа?

Лючиа. Все. Господин Бонифачо пошел переодеться и подвязать себе бороду, похожую на вашу. Его супруга, переодетая в платье синьоры Виттории, находится уже в ее спальне. Сангвино одет капитаном Пальмой с длинной

белой бородой. Марка, Барра, Корковиццо одеты полицейскими.

Джованни Бернардо. Я их только что видел и говорил с ними. Оставил их тут поблизости, в лавке цирюльника. Я твердо решил, что такого кусочка я мимо рта не пронесу. Вы говорили с мадонной Карубиной обо мне?

Лючиа. Боже меня избави! Вы считаете меня такой неосторожной?

Джованни Бернардо. Умно поступили, я вас расцелую за это, вот.

Лючиа. Премного вам благодарна! Но мне надо не это, а другое.

Джованни Бернардо. Это только задаток, милая Лючиа. На такие дела невозможно сыскать другую, подобную вам женщину.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Мамфурио, один.

— Теперь, когда все ушло, следует немного поразмыслить об этом уголке для прогулок. Вот та молодая, должно быть, проститутка, что значит публично выставляющая себя на продажу; старуха — несомненно содержательница публичного дома. Ее разговор примечателен для подобной особы. Художник, я полагаю, до некоторой степени развратник. Отсюда ясен вывод... А вон приближается целая ватага; надо опять скрыться.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Сангвинно, переодетый капитаном Пальмой, Марка, Барра.
Корковиццо, переодетые стражниками, Мамфурио

Сангвинно. Вон у того, что бежит, наверняка нечистая совесть. Взять его!

Барра. Стой! Мы стража! Ты кто такой?

Мамфурио. Мамфуриус, доктор философии. Я не

злоумышленник, не похититель, не прелюбодей, не лжесвидетель, не вождедеющий чужого имущества или чужой жены.

Сангвино. В котором часу произошло то, о чем вы говорите? Вечером или утром?

Марка. Словом, псалтырь тогда читали или служили панихиду?

Сангвино. Вы кто по должности? Скорее всего, духовное лицо?

Мамфурио. Я главный в гимназии.

Сангвино. Связать его немедленно и отвести в тюрьму.

Корковиццо. Давайте вашу руку, господин пуганый баран. Итак, сегодня вечером вам будет предоставлена бесплатная квартира в королевском здании.

Мамфурио. Господа, я школьный наставник, у которого несколько часов назад некие похитители выкрали деньги и утащили одежду.

Сангвино. А почему же в таком случае ты бежишь от полиции? Ты вор, враг порядка, вот ты кто!

Мамфурио. Прошу вас, выслушайте меня внимательно, а потом уж судите. Я убегал, ибо не хотел, чтобы меня видели в этой одежде, которая мне не принадлежит.

Сангвино. Ого! Слышали? Сразу видно, что это мошенник! Смотрите, на нем плащ Тибуроло из таможни.

Корковиццо. И впрямь его плащ!

Марка. Клянусь богом, это крупный мошенник! Да-да-да-да!

Мамфурио. Не трогайте меня! Я же сказал, что эту одежду мне дали взамен моей тоги какие-то злодеи, похитители, или, выражаясь по-вашему, мошенники.

Сангвино. Теперь понятно, почему ты от нас удираешь! Ясно, что ты вор. В тюрьму его! А там разберутся.

Мамфурио. Отведите меня в дом моего покровителя, что находится возле церкви Святой девственности. Он вам докажет, что я не злоумышленник.

Сангвино. Мы не для того забираем людей, чтобы водить их по домам! Да-да. Пошли в участок, там и поговорим.

Мамфурио. После стольких-то оскорблений вы хотите еще отвести меня в судилище и узилище?

Марка. Говори по-христиански, а то наворотил каких-то слов, что сам черт ногу сломит.

Барра. Он говорит по-христиански, ибо точно так говорят в церкви в обедню.

Марка. Я подозреваю, что он переодетый монах.

Корковиццо. Так и я думаю. Отец аббат, как вы насчет баб?

Мамфурио. Я не духовное лицо.

Сангвино. Посмотрите, нет ли у него чего духовного? Может быть, на макушке тоизура выбрита?

Мамфурио. Нет, там обыкновенная плешь.

Барра. А все от развратной жизни; и за это ты тоже понесешь наказание. Да-да-да!

Мамфурио. Не толкайте меня, я буду жаловаться. Так-то вы обращаетесь с людьми науки, учеными наставниками!

Сангвино. Врешь, свиное рыло! Ни одеждой, ни внешностью ты не похож на наставника. Да-да!

Мамфурио. Хотите, прочитаю наизусть сто строчек из «Энеиды» поэта Вергилия? Первая книга начинается словами: «Я тот, кто некогда песнь выводил на тонкой свирели».

Сангвино. Не проведешь нас, мошенник, стихами, вызубренными на всякий случай. Ты — невежда. Если бы ты был настоящим доктором, то не был бы плутом.

Мамфурио. Позовите какого-нибудь ученого, и я продискутирую с ним.

Сангвино. Какой породы бывают имена существительные?

Мамфурио. Это вопрос для начинающих, для новичков, которым поясняют, что мужской род есть мужской, женский есть женский, а средний род тот, который не является ни тем, ни другим, то есть является обоюдным. смешанным.

Сангвино. К какому же из этих родов принадлежите вы? Может, вы сами обоудный, смешанный?

Мамфурио. Обоудным, или смешанным, называется тот род, в котором не различишь пола.

Сангвино. Скажите, коли вы учитель, чему вы прежде всего обучаете мальчиков?

Мамфурио. В грамматике Деспутера есть такой стих: «Все, что относится только к мужчине, да будет мужским».

Сангвинио. Из таких-то дурацких вещей вы начинаете обучение мальчиков? Тащите его поскорее в ту комнату, а затем отправьте под стражу. Он хотел выдать себя за ученого, а показал нам, что умеет только щупать молодых козликов.

Мамфурио. О горе, горе, горе! Оказывается, слова уже обесценились! О несчастный день, о несчастная ночь!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бонифачо, Лючия.

Бонифачо. Хо-хо-хо-хо-хо!

Лючия. Так как вы, дорогой мессер Джованни Бернардо...

Бонифачо. Христос с вами! Какой я Джованни Бернардо! Я — Бонифачо. Вот так штука! Ха-ха-ха!

Лючия. Клянусь, я не узнала вас! Вы так здорово замаскировались, что вам не хватает только имени Джованни Бернардо...

Бонифачо. Хо-хо-хо-хо-хо! Ей-богу, славио будет, если все услышат, что вы меня так зовете. Хи-хи-хи-хи-хи!

Лючия. Вы дрожите, что с вами?

Бонифачо. Ничего. Это от смеха! Хе-хе-хе-хе! Предупреждаю вас, Лючия, что если кто-нибудь, приняв меня за Джованни Бернардо, хо-хо-хо, захочет со мной поговорить, ответьте ему, хи-хи-хи-хи, что я могу прийти в бешенство, ха-ха, и выйти из себя, хе-хе, и скажите, чтоб оставили меня в покое, хо-хо-хо-хо, ибо к некоторым событиям я отношусь как полоумный, хо-хо-хо-хо!

Лючия. Правильно, я так и поступаю.

Бонифачо. Хо-хо-хо-хо, ей-богу, не могу удержаться.

Лючия. Хочу знать, отчего, однако, вы так дрожите? От холода или от страха? Что с вами?

Бонифачо. Дорогая Лючия, я дрожу от любви, ибо как только подумаю, что вот сейчас прижмусь к моему сокровищу...

Лючиа. А-а! Ну, тогда понятно! Теперь я знаю, что это за дрожь. Так дрожат, когда находятся наедине с очень желанной юбкой; вы считайте, что находитесь уже с ней, ибо она тут рядом, совсем близко...

Бонифачо. О дорогая, любезная моему сердцу Виттория! О мое сокровище, алмазная грудь, едва не заставившая меня зачехнуть!..

Лючиа. Вы — ее сокровище, а она — ваше сокровище. Клянусь святым Мартином, вы расплавите этот алмаз — такое у вас пылкое сердце. Сегодня вы мне кажетесь красивее, чем когда-либо, — от любви это или от чего другого...

Бонифачо. Хо-хо-хо-хо! Идемте поскорее.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бартоломео, Консальво, Мокьоне

Бартоломео. О изменник, вор, убийца! Значит, у тебя нет этого чертова порошка? О горе мне, я разбит, раздавлен, опозорен! Ты мне заплатишь за это!

Консальво. Тебе лучше молчать, иначе станешь посмешищем всего Неаполя.

Бартоломео. Этими доводами ты думаешь заставить меня замолчать?

Консальво. Не хочешь молчать — кричи, пока не лопнут легкие. Откуда, по-твоему, я мог бы узнать об этом вашем деле? Месяц тому назад ко мне пришел этот твой Ченчо и спросил, есть ли у меня свинцовая слюда, квасцы, живое серебро, красная сера, медный купорос, нашатырь и другие обычные вещества. Я ему ответил, что есть. Он сказал: «Так вот, я даю вам этот заказ для одного дела, которое я должен сделать. Храните также у себя и этот порошок, который называется христов, или чертов, порошок. Его вы будете посылать мне в том количестве, в каком я буду требовать. Кроме того, передаю вам на хранение ларец, в котором находятся самые дорогие мои вещи».

Бартоломео. Он забрал обратно эти вещи?

Консальво. Нет. А потому помалкивайте; если он и придет за ними, то, полагаю, из моего дома уже не выберется.

Бартоломео. Правильно, если только он не улизнул вообще. Нового о нем ты ничего не слышал, Мокьоне?

Мокьоне. Поговаривают о целой шайке.

Консальво. Что же я должен был делать? Вы его обязаны были знать, так как он больше двух недель проработал у вас и вы сами прислали его с собственными записками, в которых была просьба дать то одно, то другое вещество. Что касается христов, или чертова, порошка, как вы его называете, то вы потребовали у меня в первый же раз столько, сколько составляло половину всего моего запаса, во второй раз — столько же, это был остаток. Сегодня, когда вы потребовали его снова, я удивился и просил передать вам, что алхимик Ченчо больше мне его не приносил.

Бартоломео. Не сомневаюсь, что вы вместе с ним меня облапошили.

Консальво. Если ты так думаешь, то, значит, говоришь наглую ложь, ибо ты рехнулся, и тебя надо посадить на цепь! Он один, без моей помощи мог бы тебя легко облапошить. Как я мог знать о твоих делах, если я целых десять лет с тобой не встречался? Ты посылал за аптекарскими товарами в мою лавку, и я только отпускал тебе то, что имел.

Бартоломео. О горе! Этот проклятый порошок был перемешан с какой-то другой толченой чертовщиной, о которой он мне ничего не говорил. Ведь я же видел, что он был тяжелее других порошков! Вот из него и получились кусочки золота. Да будет проклят тот день, когда я увидел его! Пойду повешусь.

Консальво. Иди и вешайся поскорее.

Бартоломео. Повешусь после того, как подведу и тебя под виселицу, обманщик, мошенник!

Консальво. Попробуй только! Я инсколькo тебя не боюсь. Иди, сумасшедший, разыскивай свой христов порошок.

Бартоломео. Что же мне делать? Как вернуть свои скудо?

Консальво. Очень просто. Найдите какого-нибудь толстосума, у которого мозги были бы вроде ваших, и поступите с ним так, как этот тип поступил с вами.

Бартоломео. Обманывать людей — твоя профессия, подлец.

Консальво. Обожди, кто-нибудь выбьет дурь или хмель из твоей башки, скупердый паршивый.

Бартоломео. Ах ты рогоносец! (Бьет его.)

Консальво. А вот отведай-ка лучше этих кулаков, небось они поувесистее. (Бьет.)

Бартоломео. Ой-ой-ой, предатель, убийца! На помощь, спасите!

Мокьоне. На помощь, спасите, спасите, хозяина убивают!

Консальво. Стой! Сейчас я выбью из тебя дурь! (Продолжает бить.)

Бартоломео. Спасите, убивают! На помощь, помогите!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сангвино, в одежде капитана Пальмы, Корковиццо, Барра и Марка, в виде полицейских, Бартоломео, Консальво. Мокьоне.

Сангвино. Стойте, мы стража! Что здесь за шум?

Бартоломео. Этот убийца убил меня материально, теперь он убивает меня физически.

Сангвино. Связать их и отвести в тюрьму.

Консальво. Господин капитан, этот тип приписывает мне дела, недостойные порядочного человека, за какого меня здесь принимают.

Бартоломео. Идем в участок, там разберутся.

Барра. Пошли, нечего мешкать, уже ночь.

Сангвино. Свяжите их хорошенько, чтоб не удрали.

Корковиццо. Свяжу так, что не удерут, разве что сам отпущу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Джованни Бернардо, один.

Пусть этот мошенник Сангвино со своими дружками обтяпывает свои делишки. Я же дождусь, пока Бонифачо со своей супругой выйдут из комнаты Виттории, и нужно будет под каким-нибудь предлогом их задержать, пока не подойдут те приятели. А, вот и они!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сангвино, Барра. Марка, Корковиццо.

Корковиццо. Когда мессер Бартоломео почувствовал, что я схватил его кошелек, он сказал: «Вы такие же стражи, как я арестант. С одинаковым успехом можно принять вас за кардиналов, а меня за папу. Возьмите его, и желаю вам успеха: в нем пусто».

Сангвино. А что сказал другой, когда у него отбирали кошелек?

Корковиццо. «Эх, говорит, проклятье! Мы согрешили, а раскаиваются кошельки».

Сангвино. А ты ему что? Ничего не сказал?

Корковиццо. «На этот раз мы вас прощаем.— сказал я,— и не хотим сажать в тюрьму. Но для того, чтобы вы не причиняли в драке друг другу новых увечий, оставляю вас тут связанным. Ибо было бы несправедливо, чтоб за добро, которое я вам делаю, я потерял даром труд, и время, и полтора фута веревки,— значит, я должен заплатить себе; а так как здесь нет света, подождите меня, я вернусь и возвращу вам сдачу».

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бонифачо, Карубина, Джованни Бернардо

Бонифачо. Это все подстроила гнусная ведьма сводница Лючия и ее хозяйка, распутная корова. Вздумали посмеяться надо мной. Больше никогда не поверю ни одной

женщине. Пусть даже придет сама святая дева... уф, чуть не сказал богохульства...

Карубина. Убирайся ты со своими оправданиями, блудливый негодяй! Теперь-то я поняла, кто ты такой! Теперь-то узнала имя этой негодницы! Но кто это идет прямо на нас?

Бонифачо. Еще какой-то новый черт затесался. Проклятая сводница, поди, впутала в это дело полдюжины людей.

Джованни Бернардо. Или я — это я, или вы — это я! Скажите мне, мессер с черной бородой, кто из нас двоих я — вы или я? Что, молчите?

Бонифачо. Вы есть вы, а я есть я.

Джованни Бернардо. Как это — «я есть я»? Ты вор, ты украл мою наружность и в таком обличье совершал грабежи! Почему ты здесь? Что ты тут делал с синьорой Витторией?

Карубина. Я его жена, мессер Джованни Бернардо, и пришла сюда благодаря любезности одной особы, чтобы убедиться в преступлении...

Джованни Бернардо. Так это вы, синьора Карубина, вы? Но каким же образом превратился он в Джованни Бернардо?

Карубина. Не знаю, не знаю, пусть он сам расскажет. Он взрослый и умеет говорить.

Бонифачо. Я сменил одежду, чтобы встретиться с моей женой.

Карубина. Врешь, изменник! Ты еще смеешь лгать в моем присутствии?

Джованни Бернардо. Прикрываясь моей внешностью, ты еще изменяешь своей жене, которую я почитаю за честнейшую особу!

Бонифачо. Пожалуйста, мессер Джованни Бернардо, не будем заходить далеко в нашей ссоре; предоставьте мне самому сводить счеты с моей супругой.

Джованни Бернардо. Ты думаешь таким образом вырваться из моих рук, бродяга! Я хочу получить удовлетворительное разъяснение по поводу этого костюма, хочу знать, насколько ты злоупотребил моей наружностью. Ведь ты мог бы совершить в этом виде тысячу ограб-

лений, которые будут приписаны мне, если я только не приму мер предосторожности.

Бонифачо. Прошу извинить меня. Я совершил проступок по отношению к моей собственной жене, он известен только синьоре Виттории и ее служанке, которые знали, кто я.

Карубина. Мессер Джованни Бернардо, не предавайте это огласке, прошу вас.

Джованни Бернардо. Извините меня, мадонна, я не могу отнестись так легко к проступку вашего мужа. Я не знаю, что он натворил, а потому не знаю, что я могу ему простить, а чего нет.

Бонифачо. Пойдем, Карубина.

Джованни Бернардо. Стой, стой, мошенник, так просто ты от меня не вырвешься!

Бонифачо. Оставь меня, если не хочешь перейти к кулакам.

Карубина. Дорогой мессер Джованни Бернардо, прошу вас, ради сохранения моей чести...

Джованни Бернардо. Ваша честь останется незапятнанной, синьора, ибо в вашем поступке нет ничего дурного; я только хочу знать об ущербе, который он нанес вам и мне.

Бонифачо. Знаете...

Джованни Бернардо. Знаю или не знаю, но ты от меня не улизнешь!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сангвино, Барра, Марка, Корковиццо, Джованни Бернардо, Карубина, Бонифачо.

Сангвино. Стойте, мы — стража! Что за шум?

Бонифачо (поворачиваясь к Сангвино). Добро пожаловать, синьоры. Смотрите, я мирно шел со своей супругой, как вдруг повстречался с этим человеком, одетым, как я. Он хотел учинить надо мной насилие, вот мы и поссорились.

Джованни Бернардо. Врешь, злодей! Я докажу, что ты обманщик! Скажи, для чего ты переделся в эту одежду?

Сангвинио. Что за черт, да здесь два близнеца, которые ссорятся.

Марка. Думаю, что они просто не поладят, кто из них должен быть мужем этой женщины.

Сангвинио. Должно быть, тут произошло какое-то серьезное недоразумение. Отвести их всех в тюрьму!

Джованни Бернардо. Синьор, вы должны отправить в тюрьму его одного, а не меня.

Сангвинио. Отстань, ты первым пойдешь в тюрьму.

Джованни Бернардо. Прошу вас, господин Пальма, избавьте меня от этой неприятности, так как в городе я лицо уважаемое и всем известное. Я Джованни Бернардо. художник, порядочный человек.

Корковиццо. Синьор капитан, смотрите, их нельзя отличить друг от друга.

Карубина. Синьор Пальма! Истина — прежде всего: это — переодетый — мой муж, мессер Бонифачо, а это — мессер Джованни Бернардо. Клянусь вам, что говорю сущую правду.

Джованни Бернардо. Для подтверждения моих слов проверьте, его ли эта борода.

Бонифачо. Сознаюсь, что борода фальшивая, но сделал я это с некоей целью, которая касается только меня и моей жены.

Корковиццо. Вот борода этого порядочного человека.

Сангвинио. Скажите мне, порядочный человек, это ваша борода?

Барра. Его, синьор, его, ибо он ее купил.

Сангвинио. Сейчас выясним, кто из них фальшивый, а кто настоящий. Ведите-ка его с этой женщиной в тюрьму. А вам, мессер Джованни Бернардо, от имени начальника городской стражи предписываем, чтобы завтра к девяти часам утра вы явились к судье для дачи показаний по этому делу. В случае неявки — штраф сто пятьдесят скудо.

Джованни Бернардо. Явлюсь, синьор капитан, явлюсь всенепременно. Ваша милость знает, что этому типу нечего требовать от меня, ибо оскорбление нанес он мне; я же заявляю жалобу на те его мошенничества, которые он мог совершить в этой одежде.

Сангвино. Суд разберет.

Карубина. А я, несчастная, должна подвергнуться позору и отсидеть в тюрьме только потому, что хотела установить злодеяние своего мужа?

Джованни Бернардо. Сеньор капитан, я отвечаю вам за эту сеньору. Я знаю ее за честнейшую женщину, хоть она и приходится супругой этому мошеннику. Ко всему этому делу она не имеет ни малейшего касательства.

Сангвино. Довольствуйтесь тем, что мы отпускаем вас. Разве она не была со своим мужем?

Джованни Бернардо. Была.

Сангвино. Значит, пусть и отправляется с ним в тюрьму.

Карубина. За что? Я разыскивала его и застала на месте преступления, и вот теперь увожу его из комнаты сеньоры Виттории, куда он забрался с самыми гнусными намерениями. Так в чем же вы обвиняете меня?

Джованни Бернардо. Я вас уверяю, сеньор капитан, что со стороны сеньоры Карубины тут нет никакой вины. Если хотите, я дам любое поручительство за нее.

Сангвино. Кажется, что и в самом деле она ни в чем не виновата. Отпускаю ее на поруки, с тем, что... как вас зовут?

Карубина. Карубина, с позволения вашей милости.

Сангвино. ...что вам, сеньора Карубина, завтра надлежит явиться к девяти часам утра к судье для дачи показаний по этому делу под угрозой штрафа в шестьдесят скудо.

Карубина. Хорошо, ваша милость, буду точно к девяти.

Сангвино. Итак, идем, больше тут нечего делать. Смотрите, чтоб не убежал. Посадите его в камеру вместе с этим наставником, а затем отведем их в суд.

Бонифачо. Я готов. Доставьте такое удовольствие моей жене и мессеру Джованни Бернардо!

Сангвино. Свяжите, чтоб не убежал. Идемте. Спокойной ночи.

Джованни Бернардо. Доброй ночи. Всего хорошего вашей милости, сеньор капитан, и всей честной компании.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Джованни Бернардо. Карубина.

Джованни Бернардо. Смотрите, радость моя, какую тяжкую обиду нанес этот умалишенный вашей божественной красоте. Справедливость требует отплатить ему той же монетой.

Карубина. Если он нарушил свой долг, то это не значит, что и я должна поступать подобным же образом.

Джованни Бернардо. Сердце мое, вам следует поступить так, как поступила бы всякая женщина, обладающая рассудком и чувством гордости. Спешу сообщить вам, радость моя, что задержали его вовсе не стражники, а мои приятели, благодаря чему с ним будут обращаться по нашему усмотрению. Сейчас явится некий мессер Скарамурэ. Он сделает вид, что пришел уладить дело — уговорить Бонифачо, повиниться перед нами за нанесенную обиду — и в знак благодарности вознаградить приятелей небольшой суммой денег — не потому, понятно, что они нуждаются в деньгах, но лишь для пущего правдоподобия всей этой шутки. Таким образом, вы, прекрасная синьора, не останетесь в накладе.

Карубина. Я вижу, что вы большой хитрец, если сумели сплести такое дело. Многое теперь становится мне понятным...

Джованни Бернардо. Жизнь моя, любовь к вам побуждает меня пойти на что угодно. Я готов броситься в тысячу пропастей. И вот теперь, когда судьба сжалилась надо мной и свела нас так близко, умоляю вас ради горячей любви, которую я всегда к вам питал, сжалиться над моим бедным сердцем, глубоко израненным вашими божественными очами. Я тот, кто вас любит, кто вас обожает пуще самой жизни. Если небо дарует мне то, что было даровано этому неблагодарному глупцу, который не ценит вашей дивной красоты, то никогда искра другой любви не найдет места в моем сердце.

Карубина. Что я слышу! Вот до чего я дошла!

Джованни Бернардо. Прошу вас, кроткая моя богиня, если вы когда-нибудь испытывали пламя любви, не поймите дурию мои слова и не подумайте, что я мало

ценю вашу честь, за которую я тысячу раз готов отдать всю свою кровь. Заклинаю вас, помогите мне утолить сжигающий меня жар, который неспособна уменьшить сама смерть.

Карубина. Ах, мессер, на беду, у меня нежное сердце! Я охотно верю тому, что вы говорите, хотя лесть влюбленных вошла в пословицу. Мне очень хочется утешить вас, но я думаю, что без ущерба для своей чести это невозможно сделать.

Джованни Бернардо. Жизнь моей жизни! Честь есть не что иное, как уважение, репутация; честь есть доброе мнение, которое имеют о нас другие; пока оно существует, существует и честь.

Карубина. Не знаю, что вы хотите сказать, а все же это грешно.

Джованни Бернардо. Оставим спор, надежда души моей. Умоляю вас, поймите наконец, что не зря же небо создало вас такой прекрасной! И хоть оно щедро наделило вас прелестной наружностью, все же оно поспешило соединить вас с человеком, который мог бы вас понять и оценить. Еще большую жестокость проявило небо ко мне, заставляя меня мучиться и умирать тысячу раз на день. Если же вы милостиво подарите мне жизнь ценой вашей чести, то это все равно будет для меня равносильно смерти. Пусть уж лучше я умру из-за вас, жестокая.

Карубина. Уйдемте, пожалуйста, подальше, здесь оставаться и говорить о наших делах опасно.

Джованни Бернардо. Уйдемте, моя отрада, я вижу, сюда идут какие-то люди.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Скарамурэ, Консальво, Бартоломео.

Скарамурэ. Хотел бы я знать, кто эти связанные бедняги и чего они ссорятся?

Консальво. Давай поднимайся! Мы еще больше будем опозорены, если нас найдут в таком виде.

Бартоломео. Теперь уже все равно, мы опозорены, и терять нам больше нечего!

Консальво. Если б руки мои были свободны, я бы тебя так заставил кричать «спасите», как ты в жизни еще не кричал. Давай поднимайся!

Бартоломео. Я тебе сказал, что с места не сдвинусь и буду здесь лежать всю ночь.

Скарамурэ. А-а-а! Да они связаны вместе! Один хочет подняться, а другой нет. Голос одного похож вроде на голос мессера Бартоломео. Но нет, невозможно, это какие-то оборванцы в рубищах. Эй, пьяницы, что с вами, что вы тут делаете?

Консальво. Милостивый синьор, развяжите нас, пожалуйста. Это вы, мессер Скарамурэ?

Бартоломео. Прошу вас, не развязывайте его.

Скарамурэ. А, мессер Бартоломео и мессер Консальво! Неужели это вы? Что за странный случай? Два благоразумных человека — и вдруг в таком виде! Вас замайили, ограбили и связали, или вы оба рехнулись? В чем дело?

Консальво. Мы с ним повздорили, побранились, а потом перешли на кулаки. Прибежали какие-то жулики, одетые стражниками, и связали нас, якобы для того, чтоб отвести в тюрьму. Когда мы подошли к Мейелле, они связали нас спина к спине, отняли у нас кошельки и удрали. Потом, одумавшись, двое из них вернулись, сняли с нас плащи, береты и жилеты. Мы тоже двинулись к дому и повстречали тут какого-то мужчину с женой. Я хотел их окликнуть или подойти к ним, и, когда потянул этого болвана...

Бартоломео. Сам ты хорошая скотина, проклятый бык.

Скарамурэ. Напрасно вы ругаетесь.

Консальво. ...когда я потянул этого болвана, он упал, как осел под тяжестью непосильного груза, и повалил меня. Теперь он не встает только для того, чтобы мне досадить.

Скарамурэ. Теперь можете встать оба, я вас развязал. Избыток злости делает человека неистовым. Ступайте по домам. Не хочу больше слушать ваших объяснений. уже ночь. Но не вздумайте драться, ибо всякий.

кто начнет, тут же увидит против себя двоих. Вы, мессер Консальво, идите по той улице, а вы, мессер Бартоломео, по этой.

Бартоломео. Ладно. подождем до утра, а там свидемся в присутствии этого свидетеля.

Консальво. До свиданья. Встретимся лет через сто. Доброй ночи вам, мессер Скарамурэ.

Скарамурэ. Прощайте.

Бартоломео. Всего доброго.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Корковиццо, Скарамурэ, Сангвино, Марка,
Бонифачо.

Корковиццо. Кто там?

Скарамурэ. Это я, Скарамурэ, к вашим услугам.

Корковиццо. Какой Скарамурэ? Что за цыганское имя? Чего вы хотите? Кто вы такой?

Скарамурэ. Я хотел бы сказать два слова капитану Пальме.

Корковиццо. Он занят; впрочем, подождите немного, я у него спрошу, быть может, он вас примет.

Сангвино. Кто вы, а? Что такое?

Скарамурэ. Друг.

Сангвино. Друг, родственник, слуга или земляк, зайдите завтра прямо в участок.

Скарамурэ. Пожалуйста, выслушайте меня, мне необходимо поговорить с вами сию минуту.

Сангвино. Кто вы такой?

Скарамурэ. Я—Скарамурэ.

Сангвино. Не знаю такого. Что вам нужно?

Скарамурэ. Я хотел поговорить об одном важном деле.

Сангвино. Подождите, через час я отправляю задержанных в тюрьму, и по дороге мы поговорим.

Скарамурэ. Очень прошу вас, подойдите сюда.

Сангвино. Ох, и надоеда! Ну так и быть, подождите, подойду.

Скарамурэ. О! Да у окна я вижу самого мессера Бонифачо!

Бонифачо. Увы, мессер Скарамурэ, видите, куда меня затащили?

Скарамурэ. Успокойтесь, потому-то я и пришел сюда.

Сангвино. Отойди прочь от окна, чтоб ты пропал, свинья паршивая! Кто тебе разрешил подходить к окну и разговаривать?

Бонифачо. Извините меня, ваша милость, господин капитан, я сейчас отойду.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сангвино, Барра, Марка, Бонифачо, Скарамурэ.

Сангвино. Эй, Коппино, смотри хорошенько, чтоб он не удрал.

Барра. Не беспокойтесь, синьор капитан.

Сангвино. А ты, Панцоттоло, тоже посматривай.

Марка. Слушаюсь.

Сангвино. Расступитесь немного, чтобы арестованный мог поговорить с этим почтенным человеком. Вы же, мессер... никак не запомню наше имя...

Скарамурэ. Скарамурэ, с вашего позволения.

Сангвино. Вы же, мессер Скарамурэ, можете поговорить с ним в том углу.

Скарамурэ. Тысячу раз благодарю вашу милость.

Сангвино. Довольно и одного раза.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Скарамурэ, Бонифачо.

Скарамурэ. Мессер Бонифачо, подойдите.

Бонифачо. Ох! Сколько неприятностей свалилось сегодня на мою несчастную голову! Видите, какие плоды принесла мне моя любовь и ваши советы, мессер Скарамурэ.

Скарамурэ. Будь она проклята... Но расскажите, что случилось?

Бонифачо. Что случилось? Благодаря вашим советам и рецептам я попал в такое глупое положение. Вот чем обернулась любовь этой стервы Виттории. И я поверил на слово этой гадюке Лючия! Да сам сатана не смог бы меня так обмануть! Я отдал бы двадцать пять скудо за то, чтоб ей выжгли клеймо на лбу.

Скарамурэ. Это уж все зря, мессер Бонифачо. Ни она, ни я, ни синьора Виттория в этом не повинны. Мне горько это говорить, но виноваты вы сами.

Бонифачо. Почему же я виноват?

Скарамурэ. Вы уверены, что волосы, которые я велел приклеить к голове восковой фигурки, были с головы синьоры Виттории?

Бонифачо. Будь ты проклята, подлая моя судьба! Волосы принадлежат моей жене, гореть ей во веки веков в аду вместе со всеми теми, кто вздумал выдать ее за меня, кто первый сказал о ней, вместе с распутником помом, который венчал нас! Я подобрал ее волосы в субботу вечером, когда она причесывалась.

Скарамурэ. Ну вот, теперь я узнал правду. Разве я велел приклеить волосы вашей супруги?

Бонифачо. Нет, синьор, но вы же говорили о волосах женщины?

Скарамурэ. Я вам говорил, черт побери, о волосах той женщины, а не о волосах любой женщины.

Бонифачо. А какая разница между волосами любой женщины и волосами той женщины?

Скарамурэ. Так ведь нужно же было сделать изображение Виттории! А вы все напутали и тем испортили действие чар. Воск был подобран и заколдован именем Виттории. Получилось же так: фигурка ее, а волосы вашей жены. Вот все и спуталось. Ваша жена оказалась в доме Виттории; ваша жена привлечена — Виттория влюблена. Ваша жена — в одежде Виттории, Виттория — без своей одежды. Ваша жена — в постели Виттории, а Виттория пылает к вам любовью и только в вашем воображении отдается вам. И Виттория, и Лючия, и ваша жена — все были крайне изумлены. Лючия помнит, что отнесла вашей жене одежду синьоры Виттории, и не пом-

нит, что ее толкнуло на это. Синьора Виттория ошарашена тем, что вы, одетый как мессер Джованни Бернардо, оказались в ее постели со своей женой. Ваша жена также удивлена, она не понимает причины, по которой оделась в чужое платье и была введена в комнату Виттории.

Бонифачо. Ух какая получилась путаница.

Скарамурэ. Все, что привело к этой путанице, вы поймете яснее, когда мы выпутаемся из этой интриги.

Бонифачо. Удивительно! Но у меня остается одно сомнение. Почему моя жена, придя вместо синьоры Виттории, вместо того чтобы выразить свою любовь, причинила мне такие мучения, которые не следует причинять даже собаке?

Скарамурэ. Разве я не сказал, что ваша жена привлечена чудодейственной силой своих заговоренных волос, наклеенных на восковую фигурку, фигурка же была вылеплена по образу и подобию Виттории и заговорена ее именем?

Бонифачо. А, вот теперь я начинаю понимать...

Скарамурэ. Слава богу! Слишком много мы говорим об этом деле. Лучше попытаемся отыскать способ задобрить стражу и вырваться из ее рук...

Бонифачо. При себе у меня только восемь скудо, но я пообещаю прибавить еще.

Скарамурэ. На слово они не поверят. Они подумают, что как только вы ускользнете, — ищи ветра в поле.

Бонифачо. Ну хотите, я им оставляю еще плащ и кольцо? Или, быть может, при вашем содействии они возьмут меньше? Ведь за одно скудо они готовы отречься от Христа и его матери.

Скарамурэ. О, вы не знаете капитана Пальмы.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Сангвинио, Скарамурэ, Бонифачо, Барра

Сангвинио. Хотел бы я знать, когда вы кончите свои переговоры? Неужто будете сидеть здесь и ждать всю ночь?

Скарамурэ. Извините, ваша милость, что мы так долго задерживаем вас. Но после того как вы выказали столько великодушия, мы просим выслушать еще два слова.

Сангвино. Нет, пера в тюрьму, а завтра можете наговориться всласть. Идем, Паицоттоло, Коппино!

Бонифачо. О господи! Помогите мне...

Скарамурэ. Сделайте такую милость, синьор капитан...

Сангвино. Ну ладно, столько терпел. потерплю еще.

Скарамурэ. Дорогой синьор, какая вам радость с того, что вы осрамите этого бедного дворянина? Но если, получивши некий подарочек, вы отпустите его, то и я и он — оба по гроб жизни будем вашими верными слугами и даже рабами.

Сангвино. Я сразу догадался, что ты пришел подкупить нас и нарушить законность. Я поражен твоей наглостью, бессовестная ты душа: неужели надеешься вырвать из моих рук такого важного арестанта? Я сразу тебя раскусил, пусть стража подтвердит мои слова! Я тебя выслушал, чтобы иметь повод засадить и тебя в наизидание. Взять его и препроводить в тюрьму. Эй, Коппино!

Барра. Слушаю, капитан!

Сангвино. Неси веревку, чтоб связать и этого «порядочного человека».

Скарамурэ. Помилосердствуйте, синьор Пальма! Сперва выслушайте...

Бонифачо. Почтеннейший синьор, ради бога, ради всех чинов ангельских, ради пречистой девы, умоляю вас...

Сангвино. Встаньте, нечего валяться в ногах! Я не испанский король и не турецкий султан.

Бонифачо. Умоляю вас, не гневайтесь, имейте снисхождение! Вспомните, что все мы грешники и нуждаемся в милосердии господнем, который столько оказывает нам благодати, сколько мы оказываем другим.

Сангвино (в сторону). Из этого проходимца получился бы отличный проповедник. (К Бонифачо.) А знаете, что за грехи нужно наказывать?

Бонифачо. Если бы за все грехи наказывали, в чем бы заключалось тогда милосердие?

Сангвино. Заткнись, я занят и не хочу с тобой спорить.

Скарамурэ. Молчите, мессер Бонифачо, дайте мне сказать. Синьор Пальма, если ваша милость выслушает меня, то, надеюсь, удовлетворит мою просьбу.

Сангвино. Высказывай разумные доводы, иначе не спать вам эту ночь дома.

Бонифачо. Господи Иисусе Христе, спаси меня!

Скарамурэ. Вашей милости ведомо, что в Италии куртизанок не преследуют. В Неаполе, Риме и Венеции проституция не только позволена законом, но там даже учреждены дома терпимости, наподобие женских монастырей.

Сангвино. Ха-ха-ха-ха! Женских монастырей? И настоятельницы имеются? Ха-ха-ха!

Скарамурэ. Выслушайте меня, пожалуйста. В Венеции, например, проститутки освобождены от налогов. Кроме того, упомянутым женщинам оказывают величайшее уважение: ни благородные, ни простые лица, какого бы состояния они ни были, не смеют говорить им грубости.

Сангвино. Сдается мне, что ты слишком много болтаешь! Это уже походит на насмешку надо мной и этим несчастным, который ждет плодов твоего красноречия.

Бонифачо. Говорите обо мне. Зачем приплетать вам Венецию, Рим и Неаполь?

Скарамурэ. А из сказанного мною следует вывод: синьор капитан, в этих трех городах заключается истинное величие Италии.

Бонифачо. Ой, как мне хочется... на двор...

Сангвино. Ха-ха-ха! Подожди, милый человек, послушай, куда он гнет.

Скарамурэ. Заключение мое такое, что проституция во всей Италии поощряема, имеет свои статуты, свои законы и даже привилегии.

Сангвино. Нечто вроде привилегий, хотите вы сказать...

Скарамурэ. И, следовательно, отсюда вывод: никто не может быть лишен права ходить к куртизанкам

и никто не подлежит преследованию со стороны закона в этом случае.

Сангвино. Я начинаю понимать его.

Бонифачо. И я! Наконец-то виден спасительный берег! Слава лоретской божьей матери.

Скарамурэ. Обождите. Закон тщательно воздерживается от преследования и задержания тех, которые ходят к этим «почтенным дамам»...

Сангвино. Ну, ну! Поскорее делайте выводы!

Бонифачо. Ох, я умираю от жажды! У меня приступ малярии.

Скарамурэ. В заключение скажу вашей ясности, что поступок мессера Бонифачо совершен в отношении женщин — не важно, честных или куртизанок, — и, как таковой, он не может быть причиной ареста столь честного и уважаемого гражданина.

Сангвино. Если говорить о женщинах, то я торжественно заявляю перед богом и людьми, что в мои намерения не входило компрометировать честь особ женского пола. Но в его деле я ничем не могу помочь. Он был передан мне в руки неким художником Джованни Бернардо, для сходства с которым задержанный подделал бороду и надел похожий плащ. Вот она, борода, в руках у наших людей; если хотите посмотреть, как она подходит к нему, увидите завтра в девять часов утра в суде. Вы будете поражены, когда с поддельной бородой мы поставим его рядом с художником.

Бонифачо. О я несчастный!

Сангвино. Так вот художник этот подал жалобу на преступления, которые задержанный мог бы совершить и, по его утверждению, уже совершил, прикрываясь его именем. Отсюда возможны разные претеизны против задержанного со стороны потерявших...

Бонифачо. Не беспокойтесь об этом, синьор.

Сангвино. Поступила жалоба и от жены задержанного. Таким образом, в случае если мы его отпустим, возможны жалобы со стороны художника и супруги задержанного.

Скарамурэ. Что касается моей жены, то пусть это вас не волнует.

Сангвино. Но меня больше всего беспокоит именно

она. Из ревности любая женщина способна погубить и свою честь и честь своего мужа. Я ничего для вас сделать не могу. Разве что посочувствовать...

Скарамурэ. Господин капитан, у меня есть еще одно предложение.

Сангвино. Именно?

Скарамурэ. Если бы вы сделали милость подождать четверть часа, я уверен, что найду способ примирить мессера Джованни Бернардо с мессером Бонифачо.

Бонифачо. О, дай бог, чтобы вам это удалось.

Сангвино. Бросьте шутить. Это невозможно!

Скарамурэ. Мы с ним настолько дружны, что я многим уговорю его прийти сюда и помириться. Только бы застать его дома. Но нужно, чтобы вы, мессер Бонифачо, попросили у него прощения.

Бонифачо. Я готов. Я даже обниму его ноги и стану его другом и слугой на всю жизнь! Эх, только бы он простил меня и не выставлял на позор. И вам, дорогой капитан, я готов служить всю, всю жизнь! *(Плачет.)*

Сангвино. Опомнитесь, не обнимайте моих ног, я не папа римский.

Скарамурэ. Да нужно еще будет хорошенько отблагодарить синьора капитана за великодушие.

Сангвино. О, что касается меня, то я этим не интересуюсь. Но в отношении моих стражников все же нужно проявить некоторую любезность... ну хоть для того, чтобы они не болтали. Со своей стороны я только требую, чтобы Бонифачо помирился со своей женой и попросил у нее прощения так же, как и у художника. И когда я увижу, что потерпевшие удовлетворены, я прекращу следствие.

Бонифачо. Дорогой синьор, я весь, телом и душой, к вашим услугам, для ваших компаньонов, я хочу сказать, для ваших подчиненных — вот кольцо, это все, что есть в моем кошельке, и вот еще этот проклятый плащ, который в любом случае я больше никогда не надену.

Сангвино. Довольно; вы, как говорится, пишете счет без хозяина. Главное, чтобы согласилась ваша супруга и мессер Джованни Бернардо.

Бонифачо. Надеюсь, они согласятся. Идите, прошу вас, дорогой мессер Скарамурэ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Джованни Бернардо, Асканио. Скарамурэ,
Карубина

Скарамурэ. Мы здесь, чтоб выручить эту заблудшую душу из чистилища.

Карубина. Только не приведи господь свидеться с ним еще раз при вашем содействии.

Джованни Бернардо. Мы все нужны здесь. Вы, мадонна Карубина, и Асканно, сделайте вид, что пришли сами по себе. Но дайте сперва нам с мессером Скарамурэ поговорить с Сангвино и прочими; пока же отойдите в сторону и подождите там, за углом.

Карубина. Хорошо. Идем.

Асканно. Станемте здесь, синьора, отсюда все слышно, а в подходящий момент мы появимся.

Карубина. Давайте.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Скарамурэ, Джованни Бернардо, Корковиццо,
Сангвино

Скарамурэ. Постучим в дверь. (Стучит.)

Корковиццо. Кто там?

Скарамурэ. Друзья. Видите, синьор капитан, мы уже здесь.

Сангвино. А где супруга задержанного? Ее присутствие необходимо.

Скарамурэ. Синьор. она уже вышла и вскорости будет здесь.

Джованни Бернардо. Я попрошу вас заняться моим делом.

Сангвино. Добро пожаловать, мессер Джованни Бернардо.

Джованни Бернардо. Как только я услышал от мессера Скарамурэ, что вы меня вызываете, я тотчас встал с постели и поспешил сюда, боясь, не открылся ли

какне-нибудь проделки этого злодея, прикрывшегося моим именем.

Сангвинио. Я, черт побери, не посылал за вами! Этот мессер Скарамурэ просил меня повременить немного и дожидаться вашего прихода.

Джованни Бернардо. Мессер Скарамурэ, оказывается, вы позвали меня не от имени капитана? В таком случае я приношу жалобу также и на Скарамурэ, ибо он злоупотребил моим именем и злоупотребил авторитетным именем вашей милости, заставив меня прийти сюда.

Бонифачо. Смилуйтесь, ради господ нашего и пресвятой девы!

Сангвинио. Тише, тише, сейчас посмотрим, нельзя ли уладить это дело.

Джованни Бернардо. Я считаю, что дело это ни в коем случае нельзя уладить.

Скарамурэ. Дорогой Джованни Бернардо, то, что я сделал и делаю, по-моему, никак не наносит ущерба вашей чести. Если откроются какие-нибудь проступки, которые были совершены ночью под прикрытием вашего имени, то все находящиеся здесь свидетели возложат ответственность целиком на мессера Бонифачо. Но так как вам лично была нанесена только легкая обида, то я не понимаю, какое вам дело до того, что произошло между ним и его женой?

Джованни Бернардо. Дело в том, что он переоделся с целью оконфузить ее и меня. Он хотел, чтобы все думали, будто я провел ночь с его женой. Этот мерзавец решил покончить свою супругу, свалив всю вину на меня, и обесчестить мое доброе имя.

Бонифачо. Боже мой! Зачем мне это делать, дорогой мессер Джованни Бернардо, когда против вас я не таю никакого зла? Простите меня, пожалуйста. Помилосердствуйте!

Джованни Бернардо. Прошу, не обнимайте моих колен.

Сангвинио. Обратите внимание, что тут кроется еще какая-то интрига: его жена также была переодета в платье другой женщины....

Скарамурэ. Тем более что его жена была в платье

женщины, которая часто встречается с мессером Джованни Бернардо... Молчите, дорогой мессер Джованни Бернардо. Я хорошо знаю, что вы не явились бы сюда, когда бы я вас не вызвал таким образом.

Бонифачо. Дорогой мессер Джованни Бернардо, я обязуюсь в дальнейшем удовлетворить все претензии, которые могут у вас возникнуть. Мессер Джованни Бернардо, прошу, не губите многострадальную душу несчастного Бонифачо. Подумайте, какой позор падет на мое честное имя! Честь моя в ваших руках, только благодаря вам я могу сохранить доброе свое имя. Простите меня! (Плачет.)

Сангвино. Так, правильно! А вот и его жена!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Карубина, Сангвино, Скарамурэ, Джованни Бернардо, Барра, Корковиццо, Асканио, Марка

Карубина. Он еще здесь, в тот любовник своей жены?

Сангвино. Это что-то совсем новое! Кажется, даже попы еще не додумались до того, что можно распутничать с собственной женой!

Скарамурэ. Не нужно подливать масла в огонь язвительными упреками. Нам нужно разрешить это дело между собой, раз уж капитан Пальма сделал такую любезность, позволив нам уладить дело миром к общему удовольствию. Надо принять во внимание, что позор вашего мужа не может не коснуться и вас, синьора Карубина, а вам, мессер Джованни Бернардо, он тоже не принесет пользы.

Бонифачо. Совершенно верно. Дорогой Джованни Бернардо и дорогая жена, простите меня, заклинаю вас! Ведь это первый мой грех! Простите, как господь наш Иисус Христос простил доброго разбойника на кресте и Марию Магдалину.

Барра. Когда вы станете добрым разбойником, как тот, который заслужил рай, то и вас помилуют, как сде-

лал это Христос. Вы же вор, ибо воруете и отдаете другой то, что принадлежит по закону вашей супруге.

Джованни Бернардо. А разве моя честь не могла пострадать от его сумасбродных выходок, ради которых он воспользовался и моей бородой и моим плащом?

Барра. Во всяком случае, если его и нельзя простить, как доброго разбойника, то можно простить, как кающуюся Магдалину.

Корковиццо. Ей-богу, ему бы сейчас юбку — и получатся вылитая Магдалина.

Сангвино. Молчать! Ждите и делайте то, что я прикажу.

Скарамурэ. Прошу вас, простите его, ради бога или ради черта, как Магдалину или как доброго разбойника — все едино.

Джованни Бернардо. А вы что скажете, мадонна Карубина?

Карубина. На этот раз я его прощаю, но пусть крепко запомнит на будущее, что в случае надобности я попомню ему и старое и новое.

Бонифачо. Будь уверена, моя Карубина...

Карубина. Я-то твоя, да ты не мой, а синьоры Витторин...

Бонифачо... никогда, никогда в жизни ты не будешь иметь случая сердиться на меня.

Карубина. Полно врать! Обманывать будешь, да только более ловко. После такого урока...

Джованни Бернардо. И то правда!

Бонифачо. Верь мне, Карубина, я не буду тебя огорчать, никогда больше не совершу такого поступка.

Карубина. Я не только прощаю тебя, но даже прошу мессера Джованни Бернардо, чтобы и он простил. Теперь пусть капитан решает.

Бонифачо. Спасибо тебе, дорогая жена! До сегодняшнего дня я любил тебя по обязанности; отныне и впредь я буду любить тебя искренне и горячо.

Джованни Бернардо. Мессер Бонифачо! Христианин и верный католик. Мое искусство — писать кистью и давать верующим образы господина нашего, пречистой девы и других святых, так что сердце мое не может не простить и не дать вам отпущение грехов, кото-

рые всякий христианин обязан давать в подобных случаях. А потому пусть господь простит вам на небе, как я прощаю на земле, но с одной оговоркой: если в этой одежде вы совершили еще и другое преступление, то должны будете нанесенный ущерб возместить. Обещайте это клятвенно в присутствии капитана как мне, так и вашей супруге, мессеру Скарамуре и всем здесь присутствующим.

Сангвино. Обещаете?

Бонифачо. Обещаю. Трижды обещаю, утверждаю и подтверждаю. И, кроме того, клянусь, вознося руки к небу, что я не совершил никакого другого поступка, который мог бы причинить ущерб мессеру Джованни Бернардо. Я только оделся, как он, чтобы не быть узнанным при входе и выходе из комнаты синьоры Витторни. И на нее мессер Джованни Бернардо не должен смотреть с неприязнью и недоверием, ибо ее комната сдается Лючия напрокат.

Сангвино. Клянусь богом, если это ошибка, то ошибка небольшая. Так что встаньте, мессер Бонифачо, обнимитесь с мессером Джованни Бернардо и будьте лучшими друзьями, чем были раньше.

Джованни Бернардо. Я готов. Обнимаю вас, дорогой Бонифачо, и принимаю в лучшие свои друзья!

Бонифачо. Я всегда буду вашим другом и слугой.

Барра. Будьте добрыми товарищами.

Сангвино. Ну, чего же вы? Обнимите, поцелуйте вашу жену.

Карубина. Можно и не обнимать. Главное — мир заключен.

Марка. А теперь по домам. Обращайтесь хорошо с женой, мессер Бонифачо, иначе она вместе с мессером Джованни Бернардо жестоко отомстит вам.

Сангвино. Итак, до свиданья. Пройдите через ту комнату и выйдите в другую дверь. А вы, мессер Бонифачо, оставьте подарочек, обещанный этим достойным стражам за неприятности, которые они претерпели из-за вас.

Бонифачо. С превеликой радостью, дорогой капитан.

Скарамуре. Идемте. Слава богу, что заключен мир и союз между мессером Бонифачо, мадонной Кару-

бной и мессером Джованни Бернардо. «И эти три едино суть».

Бонифачо. Аминь! Аминь!

Сангвино. А ты, сынок, останься, подождем, пока все уйдут.

Асканио. Слушаюсь, ваша милость.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Сангвино, Асканио.

Сангвино. Скажи, почему он женился на мадонне Карубине?

Асканио. Потому что глуп.

Сангвино. А она — разумно поступила?

Асканио. Конечно. Так ей посоветовала старуха Анджела. Старая Анджела — наставница всех хорошеньких девушек в Неаполе. Мадоина Карубина к ней пришла и спросила: «Бабушка, мне нашли жениха, Бонифачо Трукко. Меня познакомили с ним, у него есть средства, да и наружность...» Старуха ответила: «Выходи за него». «Да, но он пожилой», — говорит Карубина. Старуха отвечает: «Не надо выходить, дочка». — «А мои родители советуют выйти за него». Та отвечает: «Тогда выходи». «Но он мне не очень нравится». — говорит Карубина. «Ну, в таком случае не стоит выходить», — отвечает Анджела. Карубина добавляет: «Я знаю, что он из хорошего рода». «Выходи», — говорит старуха. «Но я слышала, что он скупой: одну фасолину три раза обсосет». Та в ответ: «Нет, не выходи за такого». — «Мне сказали, что у него есть породистый кобель». — «Выходи за него замуж», — отвечает старая сеньора Анджела. Карубина говорит: «Все считают его глупцом». «Выходи, выходи, выходи, — повторила старуха, — не беспокойся. что он три раза жуёт одну фасолину, ничего, что не очень он тебе нравится; не печалься, что пожилкой. Выходи за него, потому что он глуп, но берегись, чтоб он не оказался строгим, злым и грубым». «Я уверена, что он не из таких», — говорит Карубина. «Ну так, значит, и говорить нечего. Выходи, и все тут», — говорит мадонна Анджела. — «Выходи». А вот как раз и наши приятели.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Барра, Марка, Корковиццо, Мамфурио, Сангвино, Асканио.

Барра. От одного избавились. Что нам делать с другим — профессором?

Сангвино. Ну, тут улки налицо. Ты видел, что на нем плащ, украденный у Тибуроло? Видел, что он убегал от стражи?

Марка. Видел, но показания он дает правдоподобные.

Барра. Тогда почему же он бонтся ареста?

Мамфурио. Нет. Боюсь я не ареста, а того, что стану посмешищем для моих учеников и сограждан из-за нелепых событий и не зависящих от меня дел, которые обрушились на мою голову.

Сангвино. Вы понимаете, что он хочет сказать?

Корковиццо. Его не разберет сам Соломон.

Сангвино. Ну, одним словом, слушай, профессор, и выбрай что хочешь: или иди в тюрьму, или дай хорошую смазку приятелям теми скудо, которые остались у тебя в жилете.

Мамфурио. Очень мало осталось. То, что было, все отиято у меня, клянусь Геркулесом, Юпитером Громовержцем, призываю звезды в свидетели.

Сангвино. Слушай, что я тебе скажу. Если ты не хочешь отведасть узнища стражи и не имеешь денег — выбрай одно из двух: или получай десять ударов по ладони этой железной лиейкой, или же получишь, лежа на скамейке, пятьдесят розог. Во всяком случае, ты не уйдешь от нас, не раскаявшись во всех грехах.

Мамфурио. Аристотель учит: «Из двух плохих предпосылок нужно предпочесть менее скверную».

Асканио. Профессор, говорите так, чтобы вас поняли, потому что эти люди недоверчивы.

Мамфурио. Я не зложелателен по отношению к вам, то есть я не призываю бед на ваши головы.

Корковиццо. Выбирайте скорее то, что вам больше нравится!

Мамфурио. Не так стыдно будет пострадать от

лнейки, чем если всыплют розгамн по заду, словно мальчишке.

Сангвино. Что вы хотите сказать, черт вас побери?

Мамфурно. Что я выбираю линейку.

Сангвино. Отшлепайте его, Корковниццо, да по сильнее.

Корковниццо. Раз, два, три...

Мамфурно. Ой, боже мой!

Корковниццо. Раскрой другую ладонь. Раз, два, три...

Мамфурно. Ой, Инсус-Мария!

Корковниццо. Вытяни хорошенько руку, держи ее прямо, вот так... Четыре...

Мамфурно. Ой, ой, ой, ох, ох, ради страданий Христовых! Лучше разложите меня на скамье для порки, потому что такую боль вытерпеть невозможно.

Сангвино. Ну, ложись. Барра, держи его за плечи. Ты, Марка, держи его крепко за ноги, чтобы не мог двигаться. Ты, Корковниццо, спусти ему штаны. Пороть буду я сам. Ты же, профессор, считай удары, да громко, чтобы я слышал. Но берегись: если ошибешься в счете, придется начать сызнова.

Марка. Готово. Выбейте из него пыль, но не причиняйте зла штанам, так как они не виноваты.

Сангвино. Во имя святой розги, считай.

Мамфурно. Раз, два, ой, три, ой, ой, четыре, ой, ой, ой, ой, ради бога, семь!

Сангвино. Начнем сначала: ншъ, после четырех — сразу семь. Должен был сказать — пять.

Мамфурно. О господии! Что делать? Мне в самом деле причудилось, что ударов было по меньшей мере семь...

Сангвино. Ничего, мы тебя научим счету. Ну, начали!

Мамфурно. Раз, ой, два, три, четыре, пять, ой, ой, шесть. Ой, ради бога, не надо больше, не надо больше! Сейчас я взгляну, кажется, в жилете осталось несколько скудо...

Сангвино. Уф, прямо беда с тобой! Придется опять сначала, опять сбился со счета.

Барра. Простите его, пожалуйста, синьор капитан,

ибо теперь он хочет испробовать более разумное средство — откупиться чаевыми.

Сангвино. У него нет ни скудо.

Мамфурио. Не совсем так, не совсем так. Теперь я припоминаю, что у меня есть четыре скудо и еще какая-то мелочь.

Сангвино. В таком случае переверните его на спину и посмотрите, что у него есть в жилете.

Барра. Черт побери! Здесь больше семи скудо.

Сангвино. Тогда опять кладите его на живот за вранье и лживые клятвы, пусть-ка считает до семидесяти.

Мамфурио. Пощадите! Берите эти проклятые деньги, жилет и все, что хотите! Все отдаю вам!

Сангвино. Ну, ладно, отпустите; возьмите с него чаевые, также плащ, который по справедливости должен быть возвращен его хозяину, Тибуроло. Пора по домам. Доброй ночи, дорогой Асканио.

Асканио. Доброй ночи и тысячу лет здравствовать вашей милости. Сиивор капитан.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Мамфурио. Асканио.

Мамфурио. Когда же этому будет конец?

Асканио. Ах, профессор Мамфурио, профессор Мамфурио!

Мамфурио. Кто меня узнает? Кто мог обратить на меня внимание в этом рубище? Кто назвал меня настоящим моим именем?

Асканио. Ох, какое это может иметь значение? Откройте глаза и взгляните, где вы находитесь.

Мамфурио. Для того чтобы я лучше видел, чтобы усилить созерцание и подкрепить зрительную свою способность, я хочу надеть на нос очки. Я вижу блестящий венок зрителей!

Асканио. А не кажется ли вам все это комедней?

Мамфурио. Умно сказано.

Асканио. Не кажется ли вам, что мы находимся на сцене?

Мамфурио. Вне всякого сомнения.

Асканио. Какой же конец хотели бы вы дать комедии?

Мамфурно. Как у Вергилия в «Георгиках»: «К концу похождения и я не могу удержаться от смеха».

Асканио. Ну так хлопайте в ладоши и требуйте рукоплесканий.

Мамфурно.

Где уж хлопать мне в ладоши,
Мне, печальному объекту
Стольких горьких испытаний!
Уж похлопали меня
По ладоням, и по заду,
И по толстому карману.
Больше не хочу! Амнинь.

Асканио. Требуйте рукоплесканий от других, да и сами поаплодируйте, а главное, постарайтесь сделать это как можно лучше, ибо кому же, как не профессору и литератору, надлежит приветствовать хорошую комедию? Иначе, на горе вам, на сцену вернутся ваши мучители.

Мамфурно. Коли так, то я предлагаю закончить ее следующим веселым образом: как моряки — у которых сломана мачта, изорван парус, поломаны снасти и потеряны руль — все же имеют обыкновение, добравшись до тихого порта, радоваться и рукоплескать; как Вергилий, сказавший: «Выйдя на берег, спасенный исполнит обеты богам», так и я, Мамфурно, вами уважаемый и почитаемый профессор латинской, греческой и итальянской словесности, доктор философии и теологии, медицины и всяких прав, буде я пожелал бы им быть, достигнув тихой гавани после бурных и бедственных походов, лнкую и рукоплещу. И если, благороднейшие зрители, разннувшие на меня рты и глаза, рукоплещу я не ладонями, но сердцем, душой и оставшимся у меня жилетом, то это только потому, что меня трагически приняли за кого-то другого и отбили мне руки. Вы же, удачливые зрители, которые были веселыми и снисходительными свидетелями горестных наших влключений, аплодируйте ладонями и будьте счастливы.

З а н а в е с